

ДРУГАЯ

РОССИЯ

Дарья
Плещеева • Дмитрий
Федотов

ОХОТА НА ПЕРВЫХ

**Дарья Плещеева
Дмитрий Станиславович Федотов
Охота на льва. Русская сова
против британского льва!
Серия «Другая Россия»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17043872

Охота на льва. Русская сова против британского льва! / Плещеева Д., Федотов Д.: Вече; Москва;

2015

ISBN 978-5-4444-1760-7

Аннотация

Петр Аркадьевич Столыпин не погиб 1 сентября 1911 года. Пистолет убийцы дал осечку. Но это, тринадцатое по счету, покушение на премьер-министра переполнило чашу терпения императора, и он повелел создать специальную Службу охраны высшей администрации – СОВА, призванную остановить бесконечную череду покушений на первых лиц государства. Однако это явилось только началом! Спустя полгода сотрудники СОВА вышли на «британский» след – разветвленную шпионскую сеть, сплетенную секретной службой МИ-6 Соединенного Королевства, одной из главных задач которой являлось во что бы то ни стало втянуть Российскую империю в войну против германского рейха. Но благодаря умелым и решительным действиям «совят» планам этим осуществиться было не суждено!..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Дарья Плещеева, Дмитрий Федотов

Охота на льва. Русская сова против британского льва!

Пролог

Август – сентябрь 1911 года. Киев

Утром двадцать девятого августа в кабинете начальника Киевского отделения по охране общественной безопасности и порядка подполковника Николая Николаевича Кулябко зазвонил телефон. Это техническое новшество появилось в столице Малороссии сравнительно недавно, лет пятнадцать назад. Но телефон уже прочно вошел в обиход киевлян и стал повседневной необходимостью. А всего полгода как была проложена и заработала междугородная линия Петербург – Киев. Конечно, первыми выход на «межгород» получили правительственные учреждения.

Кулябко уже привычно снял наушник и крутнул ручку коммутатора.

– Слушаю, – произнес он в микрофон.

– Добрый день! – раздался в наушнике приятный голос «телефонной барышни». – Вы начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка?

– Да. Подполковник Кулябко у аппарата.

– Вас вызывает Санкт-Петербург. Абонент номер К-28—03. Будете разговаривать?

Николай Николаевич нахмурился.

– Я не знаю, кто это, но... соедините, пожалуйста.

Некоторое время в наушнике слышен был только треск помех, а затем раздался голос, который Кулябко предпочел бы не слышать никогда:

– Со здоровьем, Николаша. И с праздником великим!

Подполковник открыл рот, но не смог выдать ни звука – горло перехватило. То ли от страха, то ли от гнева. Он прекрасно запомнил этот просторечный говорок, впервые услышав его летом 1907 года, накануне назначения на новую должность в Киев. Тогда свояк, Александр Иванович Спиридович, посоветовал «для успокоения нервов и подтверждения будущего» посетить дом «святого старца» на Гороховой улице. Кулябко хмыкнул, но поехал. Пробыл он там не более пяти минут. «Старец», окинув (тогда еще) капитана Кулябко пронзительным взглядом, бросил: «Вижу, метишь высоко, Николка. А допрыгнешь ли?.. Ступай с Богом!»

И вот теперь снова этот голос!..

Да, праздник есть – Ореховый Спас, но ведь не его имел в виду «святой старец», ох, не его...

– Чего молчишь-то, начальник? Али не признал?..

– Признал... – выхрипнул наконец подполковник. – Чем обязан?

– Да ты не трясись там, Николка. Я же добра тебе желаю, молюсь за душу твою грешную. Потому и спишь ты пока спокойно. А ну как не станет меня?..

– С чего бы?..

– Шутю я, шутю. А вот тебе, Николка, нонче не до шуток. Слыхивал я, что Папа с Мамой и дочками старшими к тебе в Киев едут?

– Едут...

– Во-от! Стало быть, и забот тебе полон рот плывет?

– Естественно. К чему вы клоните? – Кулябко заметно разозлился. Все-таки злость лучше, чем страх.

– Ты не серчай, Николка. Не о себе забочусь, о душах заблудших... – построжел голос на том конце провода. – А речь я к тому веду, что заботой больше, заботой меньше – тебе ж без разницы?

– Допустим. Хотя смотря какая забота...

– Так вот я и говорю, сними с себя одну заботу, глядишь, и другие полегчают. Папу-то с Мамой и детками ихними пуще глаза стеречь надобно. А еще министров там всяких прочих – пропасть! Так ты, Николаша, прити-то чуток поубавь, да про одного забудь немного...

– Это про кого же?

– Али не догадываешься? Фуй, какой!.. А припомни-ка, про кого тебе свояк-то твой сказывал? Кто самый главный возмутитель спокойствия государева? Кто людям жить не дает спокойно? Вспомнил?..

У Кулябко вторично застрял в горле ком, но он невероятным усилием пропихнул его дальше и выдал:

– Да...

– Вот и славно. А теперь – забудь. Про него теперича другие люди думать будут.

– Ну а вам-то с этого какой резон? – не сдержался подполковник, потому как внутри у него уже вспыхнул пожар ненависти и презрения к мерзкому человечешке, возомнившему себя равным императору. Конечно, Николай Николаевич и сам недолюбливал государя, хотя и не смог бы, случись такое, внятно объяснить неприязнь. Здесь скорее сказалось авторитетное влияние свояка, чувствовавшего себя в высших политических кругах как рыба в воде. Но то мнение разных князей, графов и прочих сильных мира сего, а тут какой-то сибирский босяк. Ведь ни в какие ж ворота...

– Мой резон всегда при мне, Николка, а знать про него тебе и вовсе не с руки. – Голос в наушнике лязгнул металлом. – А люди, что просили о малости, не чета ни мне, ни тебе. Ты, главное, не мешай им, Николка. Ну, прощай! С Богом!..

Подполковник почти механически повесил наушник обратно на крючок, крутнул ручку коммутатора, давая отбой связи, и обхватил большими руками изрядно поседевшую голову. На душе, если честно, скребли кошки, во рту появилась неприятная горечь.

– Чтоб ты сдох поскорее! – с ненавистью произнес Кулябко в пространство и заставил себя раскрыть папку с рабочими бумагами, которые ему подготовил накануне расторопный секретарь.

* * *

В этот же день около двух часов пополудни по Киеву поплыл разноголосый колокольный звон. Великое событие ожидалось всего через четверть часа, но город еще прихорашивался, и на самом Крещатике по фасаду городской думы, там, где недавно надстроили третий этаж, ползали монтеры, доводя до совершенства вензель из электрических лампочек. Это было хитрое переплетение инициалов «Н» и «А» – «Николай» и «Александра». Прочие каменные здания на центральных улицах Киева также были иллюминированы.

На видных местах стояли гипсовые бюсты и портреты их императорских величеств и императора Петра Великого, и всё, что можно было увить гирляндами из зелени, – увили; всё, что можно было задрапировать бело-сине-красными материями, – задрапировали.

Сложнее обстояло дело с вокзалом, куда должен был прийти царский поезд. Старый вокзал, в свое время – роскошный, за более чем тридцать лет перестал соответствовать новым требованиям и был разобран. Какое-то время киевляне и приезжие довольствовались временным зданием в ожидании нового великолепного вокзала, и проект его дума уже утвер-

дила, но принимать государя императора со свитой пришлось все же в неподходящей обстановке, и это городские власти раздражало. Кроме всего прочего, непросто было наладить охрану, а неподалеку стояли железнодорожные мастерские, где трудилось под три тысячи человек. А рабочие – такой народ, от которого после 1905 года можно ждать всяких неприятных выходов – и неприличных выкриков, и настоящих демонстраций. Руководству мастерских в приказном порядке предложили распустить опасных пролетариев по домам – пусть уж отдыхают по такому случаю.

На длинном перроне толкалась огромная почетная делегация встречающих, там же держали наготове гимназистов и гимназисток – самых хорошеньких, в белых пелеринках, с белыми бантами в косах. Подросткам раздали цветы и строго наказали стоять смирно и не мять букеты. Вдоль всего Крещатика также стояли ученики и учителя всех киевских школ, составив живой коридор вплоть до Царской площади, где государь император должен был открыть памятник своему деду, Александру II Освободителю.

Встречающие волновались – не упущено ли чего в церемониале встречи. А гимназисты шептались – всем было любопытно посмотреть на царский поезд, устроенный совсем не так, как обычные: первый вагон занимала электростанция. И не в каждом-то киевском доме горело электричество, а тут – поезд с двумя сотнями новомодных светильников. Кое-кто из гимназистов рассуждал, почему в голове поезда вторым поставлен багажный вагон: ясно ж и младенцу, на случай, коли революционеры подложат бомбу под рельсы; чемоданы взлетят к небесам, а царская семья уцелеет. О том, что пострадает прислуга, для которой предназначен третий вагон, гимназисты как-то не подумали. Опять же – телефон. Собственная телефонная связь в поезде – да до этого ни один французский режиссер не додумался бы! (Гимназисты бегали в «Электробиограф» на Крещатике смотреть «Экскурсию на Луну» и полагали, что знают о технике завтрашнего дня решительно всё.)

Девочки же гадали, во что будут одеты великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. Детей царского семейства обычно одевали одинаково, без особой роскоши, и гимназистки, у которых были фотографические карточки (государь с государыней сидят, пятеро детей живописно расставлены вокруг), предполагали, что Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна будут по случаю хорошей погоды в простых соломенных шляпках, белых блузках под горлышко и длинных светлых юбках.

Ровно в два часа дня к перрону Киевского вокзала медленно подошел царский поезд, имевший благородно-элегантный вид: темно-синие вагоны на черных тележках, с тонкой золотой отводкой по контурным линиям и по узким штапикам, закрывающим стыки металлических листов. Гимназисты гадали, в котором из двенадцати вагонов едут их величества, и даже составляли стремительные пары. Угадали те, кто поставил на седьмой и восьмой вагоны.

Первыми вышли министр императорского двора, он же – командующий главной императорской квартирой, барон Фредерикс, начальник охраны, гофмаршал, лейб-медик, потом из шестого, «дамского» вагона – фрейлины и камеристки ее величества.

Гимназисты и гимназистки вытягивали шеи, чтобы поскорее разглядеть их величества. Наконец государь под руку с супругой появились на перроне, грянуло «ура!», киевский городской голова Ипполит Николаевич Дьяков, взмокнув от волнения, приступил к приветственной речи. Подростки чувствовали себя немного обманутыми – государь оказался ниже ростом, чем им хотелось бы, а уставшая после долгого пути государыня имела очень недовольный вид. Только юные великие княжны соответствовали ожиданиям – они оказались прехорошенькими, даже лучше, чем на карточках, и весело оглядывались, перешептывались с фрейлинами, почти как гимназистки.

Дьяков долго и заковыристо говорил о полувековом юбилее отмены крепостного права, рассыпался в комплиментах покойному Александру II Освободителю, памятник которому,

укрытый парусиновым чехлом, ждал на Царской площади. Свита – почтенные осанистые господа, главным образом пожилые, одетые почти одинаково, кто в белом кителе, кто в темном пиджаке – терпеливо ждала завершения речи. Гимназистам и на ум не брело разглядывать эти суровые или же брюзгливые физиономии. А меж тем на одну стоило бы обратить внимание.

То был не старый еще господин в кителе и фуражке, стоявший наособицу, словно бы свитские желали показать ему свое недовольство. Глубоко посаженные темные глаза под нахмуренными бровями, большие подкрученные усы, бородка с проседью – все самое обыкновенное, и мешки под глазами вполне соответствовали возрасту, а разглядеть регалии на кителе гимназисты не могли. Мало ли какого чиновного дедушку привез с собой государь?

А то был российский премьер-министр Петр Аркадьевич Столыпин.

Столыпин чувствовал себя неважно. Киевское солнце, в конце августа все еще жаркое, раздражало его; портфель из черной кожи с бумагами обременял руку; ночью случился приступ допекавшей в последнее время стенокардии. Премьер-министр не выспался и смертельно устал. Он уже почти жалел, что отправился в это путешествие, можно было и в столице найти возможность для приватной беседы с государем, невзирая на обстановку. Александра Федоровна не могла простить Столыпину стремления изгнать из Санкт-Петербурга ее любимца «святого старца» Распутина, но вдовствующая императрица Мария Федоровна, дама с характером еще более сильным, чем у нынешней, имевшая огромное влияние на сына, как раз была на стороне премьер-министра и благословила эту поездку. И вот он, вместо того чтобы отдыхать и лечиться в своем любимом Колноберже, под Ковно, потихоньку благоустраивая имение и доводя до идеального состояния, а также по несколько часов в день трудясь над своими проектами, едет в столицу, оттуда – в Киев. Да еще недомогание, совершенно несносное для человека, который смолodu был бодр и любил физические упражнения...

– Трата времени, бездарная трата времени, – негромко сказал Столыпин.

Времени и так не доставало. Щеголеватый юный офицер, услышав, покосился и тут же отвернулся. Брал пример со старших по званию, негодник. А старшие, ловкие интриганы, уже поняли, что государь рад бы избавиться от строптивого премьер-министра. Весной при голосовании в Государственном Совете его важнейший законопроект о земствах в западных губерниях был провален. А кто бы рискнул голосовать против, если бы не чувствовал безмолвной поддержки государя? Однако когда Столыпин подал в отставку, Николай Александрович его не отпустил. Самодержец пока еще волен менять министров по своему усмотрению, и Мария Федоровна решительно вступилась за Столыпина, поддержанная великими князьями.

Разум велел премьеру соблюдать спокойствие, но сердце сообщало: близок новый приступ, новое болезненное удушье. Главное – ни одного резкого движения, глядишь, и обойдется. Столыпин застыл, окаменел, а Дьяков меж тем завершил свои риторические упражнения, выслушал лаконичный ответ государя и повел их величества к автомобилям.

Поняв, что барину плоховато, на помощь поспешил слуга Казимир Станюлис, самый верный из всех, кто окружал Столыпина в Колноберже. Верность была не простая. В черный день 12 августа 1906 года, когда дачу Столыпина, в ту пору министра внутренних дел, взорвали боевики, тяжело ранило детей Петра Аркадьевича, был убит сын Казимира, Франц. Сам Казимир имел полное право покинуть ставшего опасным хозяина, однако остался.

Он всегда носил с собой маленькую аптечку с нитроглицериновыми каплями, заранее наколотыми кусочками сахара, на которые следовало капать лекарство, пузырьком с амилнитритом, запах коего был весьма полезен, и с флажечкой, где плескалась настойка валерьяны, разведенная мятным отваром.

– Подожди, Казюкас, – шепотом по-литовски попросил Столыпин. Он хотел, чтобы свита отошла подальше. И снова подумал: и без того времени нет, так еще стой на этом перроне, на самом солнцепеке, и жди – прихватит сердце, не прихватит?

Однако тот проект, который уже почти был завершен, требовал использовать любую возможность для приватной беседы с государем, слишком он был серьезен. Петр Аркадьевич замахнулся на основательное политическое переустройство российского общества.

Он как глава правительства имел право на соответствующую его рангу встречу и сопровождение по прибытии. Но свитские не упустили возможности сделать маленькую неприятность. Трудно сказать, как им это удалось, однако, когда Столыпин, порядком отстав от свиты, зато возглавив шествие прислуги с багажом, вышел с перрона, оказалось, что транспорта для него нет. Гостиница «Гранд-отель», где должны были разместить дорогих гостей, имела свой собственный омнибус на железнодорожном вокзале, но он появлялся к прибытию тех поездов, что значились в расписании, а царский шел вне всяких расписаний. Свита как-то очень быстро расселась по автомобилям и укатила.

Премьер-министра России никто не встретил. Если для него и было назначено место в автомобиле, то его занял кто-то из свитских. Это огорчило Столыпина, но в меру. Он знал, чего ожидать от придворной публики. Оказалось, киевляне тоже умеют держать нос по ветру. Впрочем, за последние два года премьер привык к подобному негласному бойкоту. К тому же Столыпин отличался редким бесстрашием и решительностью действий в любой, даже самой опасной ситуации. Почти год назад, к великому ужасу сопровождавших его агентов охранного отделения, Столыпин на первом российском празднике воздухоплавания даже поднялся в небо на «фармане» капитана Льва Мациевича.

Пришлось послать Станюлиса за извозчиком и ехать в обычной пролетке; естественно, безо всякой охраны.

– А забавно было бы на трамвае, – сказал он Казимиру. – Вон, видишь, к самому вокзалу подходит ветка.

Станюлис покосился на трамвай. Вот уж где не миновать неприятностей, начиная с жуликов-карманников и кончая теми негодьями, что, возможно, следят за хозяином от самой столицы. Черный 1906 год слишком уж хорошо запомнился...

– Нужно хотя бы городского в коляску взять, – тихо сказал Станюлис. – Мало ли что местные смутьяны удумать могут. А так хоть какая защита...

– Не смей меня, – устало отмахнулся Столыпин. – Ну какие из городских защитники? Они от одного только крика «бомба!» в обморок упадут. Поедем уж обычными пассажирами, авось и не обратит на нас никто внимания...

Так и вышло. Столыпин, никем не узнанный, благополучно добрался до гостиницы «Гранд-отель», где ему был забронирован двухкомнатный номер-люкс. Пока Петр Аркадьевич с дороги приводил себя в порядок, поправлял роскошные усы и принимал ванну, расторопный Станюлис заказал в номер ужин и пачку свежих номеров газет.

На изнывающий от жары Киев опустился вечер 31 августа.

* * *

Примерно в то же время в третьеразрядной гостинице «Бристоль», что располагалась на границе Верхнего города и Подола, в скромном номере на втором этаже с окнами во двор находились двое.

Молодой человек интеллигентной наружности, с чертами лица, четко определяющими его национальную принадлежность, возбужденно прохаживался по комнате, делая при этом массу лишних движений. То поправлял очки на породистом носу, то комкал в руках носовой платок, присаживался на стул, на край стола, на подоконник и тут же вскакивал, словно

ожегшись. Его взгляд блуждал, вернее, метался по стенам и обстановке, а чувственные губы кривила неуверенно-хищная улыбка.

Второй являл собою полную противоположность первому. Крепко сбитый, широкоплечий настолько, что коротковатый, по причуде моды, пиджак, обтягивавший их, едва не трещал по швам. Лет ему с виду было около сорока, и сидел он, удобно откинувшись, в старом кресле с продраным и залатанным сиденьем напротив двери, бесстрастно наблюдая за своим визави и пожевывая мундштук незажженной папиросы.

– Значит, я могу быть уверен, что мне никто не помешает? – в который раз нервно-высоким голосом спросил молодой человек, на миг остановившись перед сидящим мужчиной.

– Дмитрий Григорьевич, я не ваш куратор, слава богу, – медленно и отдельно проговорил тот. – В десятый раз повторяю: мне поручено вас проинструктировать и снабдить всем необходимым. А дальше уж вы сами.

– Н-ну, хорошо. – Молодой наконец справился с собой и остановился у стола. Налил себе полный стакан воды из графина, залпом выпил и глубоко вздохнул. – Начинайте ваш инструктаж.

– Вот и славно. – Кряжистый легко выметнул свое плотное тело из кресла и вмиг оказался рядом с молодым человеком, так что тот невольно отшатнулся и едва не выронил пустой стакан. – Итак, господин Аленский, завтра вы посетите спектакль в городском театре. Сказки любите?..

– Н-не особенно...

– Ну, ничего. Долго вы там, думаю, не задержитесь. – Кряжистый вынул из кармана пиджака бумажный сверток и припечатал к столу с глухим стуком. – Это... инструмент. А вот вам документ, – он извлек из другого кармана сложенный вчетверо лист и развернул. – Именной пропуск. Сим удостоверяется, что господин Аленский Григорий Михайлович допущен к посещению всех публичных встреч, концертов, спектаклей, собраний и прочая, приуроченных к празднованию пятидесятилетия вступления в силу «Манифеста 19 февраля 1861 года об отмене крепостного права» в качестве аккредитованного журналиста харьковского еженедельника «Вестникъ». Подписано самим начальником Киевского отделения по охране общественной безопасности и порядка, его превосходительством подполковником Николаем Николаевичем Кулябко...

– Этого не может быть! – вдруг взвился молодой человек. – Это ловушка! Кулябко решил засадить меня пожизненно!

– Да бог с вами, Дмитрий Григорьевич, – презрительно скривился кряжистый. – Охота была его превосходительству об вас руки-то марать! Лучше вот, – он развернул сверток, и заблудившийся закатный луч солнца отразился от вороненой стали, – осмотрите и проверьте.

Молодой человек опасливо и восхищенно взял в руки пистолет, погладил рукоять, повертел, оглядывая со всех сторон.

– Пользоваться-то умеете? – хмыкнул кряжистый.

– Таким не доводилось...

– Тогда смотрите. – Мужчина забрал оружие, сноровисто вынул обойму, передернул затвор и поставил пистолет на предохранитель. – Это новейшая разработка господина Браунинга: модель FN 1910, калибр 7,65 мм, емкость магазина – семь патронов, прицельная дальность...

– Не надо! Я выстрелю, только если смогу подойти к тирану вплотную.

– Так вы уж постарайтесь, господин Аленский. Сами понимаете, другого случая может и не представиться.

– А... вы точно знаете, что у него не будет охраны?

– Трусите?.. Правильно. Ничего не боятся только дураки. Не беспокойтесь, человек, который будет вас страховать, позаботится о том, чтобы вам никто не помешал.

Молодой человек снова взял пистолет в руки, аккуратно вставил обойму, передернул затвор, загоняя патрон в ствол, и шелкнул предохранителем.

– Да поможет мне Бог! – дрогнувшим голосом произнес он.

– Скорее уж дьявол, – буркнул его наставник и, не прощаясь, направился к выходу из номера.

* * *

Петр Аркадьевич не очень любил музыкальные спектакли, ему больше нравились драматические. Но как поклонник отечественной литературной традиции Столыпин читил и уважал Александра Пушкина. Поэтому постановку «Сказки о царе Салтане» оценил по достоинству – благо, и труппа в киевском театре подобралась сильная, голоса вполне профессиональные.

Он следил за действием и думал. «Занятный получается намек: государю, сидящему в ложе, показывают историю другого государя, которого обвели вокруг пальца хитрые и злые бабы. Поймет ли? Может, и поймет. Умные люди говорили, император многое видит и знает, только не хочет портить отношения с супругой, боится ее сцен, боится разлада в семье. Может, нужно нечто неожиданное, экстраординарное, чтобы государь собрался с духом?..»

Прослушав два первых акта, премьер пришел к выводу, что стоит досмотреть представление до конца. Он хотел было прогуляться по фойе во время антракта – верный Станюлис, во время спектакля сходявший в разведку, шепнул, что в буфет завезли жареные каштаны, которые так любил Петр Аркадьевич, и подают их с медом и взбитыми сливками. «Полакомлюсь! – решил Столыпин. – А то когда еще представится случай. Да и представится ли?..»

В памяти совершенно некстати всплыл текст секретной депеши, полученной референтом буквально накануне отъезда из Петербурга. Там без обиняков сообщалось, что во время киевских торжеств на премьер-министра будет совершено покушение! Узнав о депеше, Станюлис потемнел лицом и предложил патрону сказать больным и никуда не ездить. Но Столыпин отверг трезвую мысль: работа, что отняла у него несколько месяцев жизни, была завершена и требовала немедленного одобрения императора. Ирония ситуации заключалась в том, что попасть на прием к государю премьер не смог бы, не огласив цели визита. А в этом случае Петр Аркадьевич сильно сомневался, что его допустят пред светлые очи его величества. Так что встреча во время поездки в Киев выглядела как единственный шанс донести свои идеи, свою программу возвышения и возрождения России до императора.

Перед спектаклем Столыпин от относительно надежного человека узнал, что устное разрешение на randevu с его величеством получено, и что оно состоится 4 сентября, сразу после официального закрытия торжеств в летнем домике императора в Вышгородской пуще, в десяти верстах от Киева и в четырех от самого Вышгорода, облепленного кирпичными заводиками, как барбоска блохами.

Антракт после второго акта традиционно был длинным, минут на двадцать, поэтому публика гуляла по залу и фойе не торопясь, образовывались небольшие кучки что-то возбужденно обсуждающих театралов, кокетничали дамы, ловеласничали молодые кавалеры. Столыпин тоже поднялся со своего места в почетном первом ряду, бросил взгляд на императорскую ложу – государь отсутствовал. По-видимому, Николай Александрович, верный привычке никогда не досиживать спектакли до конца, отправился отдыхать, а Александра Федоровна последовала за супругом. Но в ложе по-прежнему оставались обе прелестные великие княжны – Ольга и Татьяна с фрейлинами. Ольга перехватила взгляд премьера, улыб-

нулась и послала ему воздушный поцелуй. Татьяна же, проследив за движением сестры, тоже приветливо помахала сложенным веером.

Петр Аркадьевич в ответ слегка склонил голову и направился по проходу направо, сопровождаемый Станюлисом. Однако, не сделав и пяти шагов, Столыпин услышал:

– Ваше высокопревосходительство, умоляю, одну минуту!

Полуобернувшись, премьер увидел спешащего к нему крупного человека, облаченного в строгий черный фрак, белоснежную рубашку с галстуком-бабочкой и штучный жилет.

На его высоком, с залысинами лбу посверкивали мелкие бисеринки пота.

– Хочу засвидетельствовать свое почтение, Петр Аркадьевич, – одышливо произнес человек, останавливаясь и слегка склоняя голову: – Граф Иосиф Альфредович Потоцкий, член Государственной думы от Волынской губернии, почетный член Варшавского научного общества и ярый поклонник вашего плана преобразования сельского хозяйства в империи.

Столыпин вторично, уже с интересом, взглянул на собеседника и крепко пожал ему руку.

Премьер-министр у себя в Колноберже много возился с сельскохозяйственной техникой, совещался и с опытными агрономами, и с крестьянами, стал большим знатоком по части почв и удобрений. Имение было невелико – и то Столыпин положил немало трудов, чтобы сделать его образцовым. А тут выпал случай побеседовать с человеком, который владеет тысячами десятин хорошей земли.

– Рад, что и среди солидных землевладельцев есть понимающие люди, – сказал Столыпин.

Станюлис, чтобы не мешать, отошел в сторону, но глаз с хозяина не спускал.

– Да что ж тут непонятного?! Ведь если действительно провести массовую механизацию зерновых угодий, да правильно обустроить элеваторное хозяйство, потери хлеба при хранении сократятся в разы. Прибыток налицо!

– Эх, Иосиф Альфредович, кабы остальные ваши сотоварищи по землевладению думали так же!..

– Ну, это ведь поправимо, господин премьер-министр? – раздался рядом еще один знакомый голос. К беседующим подошел осанистый барон Фредерикс, министр Двора Его Величества. – Например, можно было бы организовать нечто вроде курса лекций для, так сказать, ликвидации пробелов в теории хозяйствования на селе...

– Вы предлагаете мне начать метать бисер, уважаемый Владимир Борисович? – недовольно приподнял бровь Столыпин. Он недолюбливал барона за самодовольство и поучающую манеру разговора.

– Зачем же так, Петр Аркадьевич? – укоризненно покачал головой Потоцкий. – Смею вас уверить, что среди землевладельцев предостаточно грамотных и интересующихся людей.

– Что-то незаметно, судя по их выступлениям в прессе и Думе!..

– Полноте, господин Столыпин, – снисходительно усмехнулся Фредерикс. – Быть может, это вы не в состоянии донести свои мысли до сознания оппонентов?..

Петр Аркадьевич хотел было ответить министру колкостью, на которые был горазд, но неожиданно заметил быстро шедшего к ним по проходу высокого молодого человека с модной золоченой оправой очков на почти белом лице. Однако не цвет лица удивил премьера, а выражение глаз юноши – взгляд веселого безумца буквально прижал Столыпина к барьеру оркестровой ямы. Молодой человек, как заведенный, широким и ровным шагом приближался к премьеру, одновременно поднимая правую руку. А еще Петр Аркадьевич краем глаза увидел бегущих сразу по двум боковым проходам сотрудников охраны в штатском и Станюлиса – тот, спеша, запутался в оборотах русской речи и в отчаянии что-то закричал по-

литовски. Но они были далековато, а спустя долю мгновения всех заслонил собой молодой безумец.

Блеснула вороненая сталь. Вспышки практически не было видно, а звук выстрела почти потонул в гуле голосов, заполнившем огромный зал. Что-то несильно ударило Столыпина в правую, покалеченную в юности на дуэли руку чуть выше локтя и ожгло, будто тонкий раскаленный прут пронзил мышцу. Петр Аркадьевич явственно увидел, как палец безумца лихорадочно дергает спусковой крючок пистолета, а следующего выстрела все нет. «Осечка!» – мелькнула растерянная мысль, и тут же навалилась дикая слабость. Не от боли – ее не было, – но премьер вдруг буквально почувствовал, как страшное напряжение последних дней разом куда-то исчезло, забрав с собой остатки сил. Он сумел лишь сделать короткий шаг и рухнул в ближайшее свободное кресло. Поэтому не видел, как опомнившийся Потоцкий с разворота, по-крестьянски ударил в челюсть незадачливого убийцу, как одновременно его обхватил со спины Станюлис, как подскочили крепкие люди в штатском и поволокли юношу прочь, как началась запоздалая суeta с воплями и заламыванием рук, а Станюлис, убедившись, что патрон жив, встал возле него непробиваемой преградой, пока не подоспели дежурившие в театре фельдшер и сестра милосердия.

Носилки с раненым премьер-министром споро пронесли к выходу, погрузили в наглухо закрытую карету с белым крестом на дверцах и повезли под охраной в клинику братьев Маковских на Маловладимирскую улицу.

* * *

Несостоявшийся убийца Дмитрий Богров, он же журналист Григорий Дмитриевич Аленский, пребывал в прострации в одиночной камере киевской крепости «Косой Капонир», куда его доставили под усиленной охраной прямо из театра. От волнения его знобило, и он, сидя на табурете, обхватил себя руками.

Один вопрос гремел в голове и шепотом вырывался из губ: как?!

Этот вопрос прилагался ко всему, что творилось вокруг Богрова. Как вышло, что браунинг дал осечку? Не должен был, а дал. Как вышло, что рука дрогнула, ствол повело, пуля ушла чуть не на пол-аршина правее, как?! Ведь Богров нарочно упражнялся, выехав из Киева на заброшенную дачу, к Ореховатским ставкам! Как?.. Ведь все же должно было получиться в лучшем виде! Неужели все-таки это ловушка?..

Задание провалено, тиран жив, а он, молодой и полный сил, умный и образованный человек обречен теперь до конца жизни прозябать где-нибудь в Сибири или, того хуже, на каких-нибудь рудниках?.. Он – на рудниках, под землей, словно декабрист, но без того ореола подвига, каким общество снабдило заговорщиков 1825 года, как?.. Это несправедливо! Так не должно быть!.. Он желал общего блага! Он этого не заслужил!..

Внутренние мучения и терзания продолжались не первый час, и Богров в какой-то момент осознал, что весь набор стенаний идет по кругу. Тогда усилием воли молодой человек стряхнул оцепенение, встал и с хрустом потянулся. Затем оглядел камеру, будто впервые. Сразу бросилось в глаза, что в помещении нет окна. Совсем. Лишь в углу под потолком виднелось квадратное зарешеченное отверстие – вентиляция. Дверь камеры тоже имела прикрытое снаружи заслонкой окошко с маленькой полкой. Само же узилище представляло собой куб три на три метра. Кроме железной койки, металлического стола и табурета, другой обстановки не было. Справа от двери стояло прикрытое крышкой ведро. От него исходил слабый, но отвратительный запах нечистот.

Богров невольно поежился, представив, что рано или поздно придется им воспользоваться по прямой надобности, и тут же почувствовал, что в камере довольно прохладно, а пробравший его озноб не прекращается. Пиджак у террориста отобрали при обыске, равно

как и ремень из брюк, и шнурки от ботинок. Поняв, что в одной рубашке он долго не протянет, Богров принялся махать руками, приседать и подпрыгивать. Это принесло некоторые плоды, но скоро холод вновь добрался до тела.

Молодой человек ощутил легкий приступ паники. Часов у него не было, и понять, сколько осталось до утра, а следовательно, до прихода тюремщиков, не представлялось возможным. «Замерзну, как есть!» – мелькнула мысль, и Богров, отбросив остатки гонора и спеси, затарабанил каблуком в дверь.

Минут пять он наполнял грохотом объем камеры, пока не заложило уши. Наконец, когда совсем отчаялся и рухнул на тощий матрац койки, из-за двери донесся неясный шум голосов, чьи-то шаги, и на пороге узилища возникла до боли знакомая, вызвавшая у горе-террориста невольную оторопь фигура. Государь?!.. Но почему в таком виде и главное – зачем?..

Николай Александрович, облаченный в простой сюртук мелкого служащего, несколько секунд простоял неподвижно, давая возможность глазам обвыкнуться с полумраком помещения, который не в силах была разогнать трехсвечовая лампочка под потолком. Затем император молча прошел к столу и опустился на табурет. Богров, пребывая на грани обморока от страха, вмиг заполнившего все его существо, не моргая, смотрел на государя и потому пропустил момент появления в камере еще одного человека.

– Ну, здравствуйте, господин Аленский, – раздалось у Богрова над головой. Он вздрогнул, судорожно дернулся назад и больно стукнулся затылком о стену. Ледяной пот моментально пропитал тонкую ткань рубашки. Столыпин с едва заметной усмешкой продолжил: – Извините, руки подать не могу, поскольку вы мне ее прострелили, да и не испытываю желания.

Рука была, как и положено, согнута, и, чтобы лишний раз ее не пошевелить, лежала в черной повязке-косынке, надетой через плечо.

Несостоявшийся террорист попытался придать себе толику гордости – выпрямился на койке и, бросив короткий взгляд на премьера, произнес:

– Жалею, что не смог выполнить свою священную миссию!

На последних словах голос у Богрова предательски сорвался на фальцет, и вся фраза получилась жалкой и вымученной. Молодой человек понял это и снова сник.

– Я так полагаю, что господин Аленский осознал всю глубину своего проступка, – внезапно заговорил император, – и готов объяснить нам причины, побудившие совершить его.

– Особенно, если учесть, что «Аленский» – его оперативный псевдоним, как секретного осведомителя Четвертого отделения Департамента охраны общественного порядка, – добавил Столыпин. – Я прав, господин Богров?

Молодой человек не ответил, лишь обхватил руками крупную голову. Оба его высочайших гостя терпеливо ждали. Наконец Богров, не меняя позы, глухо сказал:

– Ничего объяснять я не намерен. Вам ведь и так все известно, Ваше Величество. А с господином Столыпиным нам тем более не о чем разговаривать... – Он все же поднял голову и обвел обоих тусклым взглядом. – Выносите свой приговор, и закончим на этом.

Богров повернулся и лег на койке лицом к стене, обхватив себя руками за плечи и подтянув колени к животу.

– Кто дал вам задание убить премьер-министра? – спросил император, и на сей раз в голосе его внезапно лязгнул металл.

Богров заметно вздрогнул, но не переменил позы. Столыпин встал вплотную к нему и размеренно-ровно произнес:

– Витте, Курлов, Спиридович, Кулябко, Некрасов, Нестеренко, Вакулов... Достаточно? Или я кого-то забыл, господин Аленский?

Богров молчал.

– Так от кого из этих людей исходил приказ?.. Впрочем, действительно, можете не отвечать. Мы скоро и сами все узнаем. А вами завтра займутся следователи. Идемте, Ваше Величество!

Император поднялся, заложил руки за спину, покачался с пяток на носки. Посмотрел на Столыпина и вдруг понял, что премьер сейчас глядит на него малость свысока, и не только благодаря росту. Да, государь изволил прийти посмотреть на Богрова; да, государь, обычно спокойный и мягкий, решил показать характер – характера хватило ровно на одну фразу... И Петр Аркадьевич наверняка думает: государю не хватит духа поставить настоящую точку в этом ночном визите. Ну что же, придется... придется самого себя приводить к дисциплине духа, обучать жесткости, без которой теперь не обойтись.

– Вы выбрали неверный путь к славе, молодой человек. И вот результат. Вас осудит военно-полевой суд и, скорее всего, отправит на эшафот. Вас казнят на рассвете в тюремном дворе в присутствии судебного исполнителя и врача, который констатирует вашу смерть. Вас похоронят в общей могиле для преступников, а родным будет сообщено, что вы пропали без вести. Дмитрий Григорьевич Богров будет вычеркнут из списков живых и не попадет в списки умерших. Dìxì.

Столыпин кивнул. Примерно этого он и добивался.

Николай Александрович вышел из камеры в предусмотрительно распахнутую тюремщиком дверь, Столыпин молча последовал за ним. Уже в коридоре, нагнав государя, тихо сказал:

– Он сознается, Ваше Величество.

– Не сомневаюсь, – бросил император через плечо.

* * *

В комнате, обставленной в псевдоантичном стиле, с гипсовыми копиями древнегреческих статуй по углам и мраморными столиками и скамейками по периметру помещения друг напротив друга стояли двое. Оба смотрели исподлобья, сверля взглядом своего визави. Молчаливая дуэль наконец прервалась.

– И што мне таперича присоветуешь делать-от? – хрипло и нервно спросил высокий и поджарый, с неопрятной лопатообразной бородой, одетый в помятый купеческий кафтан и низкие сапоги из мягкой кожи. – Кулябко твой, как пить дать, проболтается об нашем с ним разговоре...

– Не суетись, Гриша, – поморщился второй как от зубной боли. Был он статен, подтянут, и выглядел как преуспевающий сановник высокого ранга, коим, собственно, и являлся. Звали его Александром Ивановичем Спиридовичем. – Твое участие в этом... инциденте еще доказать нужно.

– Да твой Николка, коли его спытают, в одночасье про меня скажет!

– Не спытают. Этот... Аленский, стрелок – дурачок идейный. Да и не знает он толком ничего.

– Но Кулябко-то?..

– А что Кулябко? Николай Николаевич – уважаемый и ответственный служака, на своем месте...

– Да у ентого Аленского пропуск им подписанный!..

– Гриша, неужто ты думаешь, что начальник Киевского охранного управления в состоянии помнить все документы, что подписывает ежедневно?..

Собеседники внимательно посмотрели друг на друга и... улыбнулись. Бородатый – с облегчением, подтянутый – с пониманием.

– Смотри, Сашка! – укоризненно погрозил Распутин пальцем. – С огнем играешь. А ну как энти пиявки полицейские за меня возьмутся?

– У тебя, Григорий Ефимович, крыша над головой такая, что и бомбой не пробить, – усмехнулся Спиридович. – Что тебе пиявки?.. А что касается... недостигнутой «цели», так ведь она никуда от нас не денется. Достанем в следующий раз. Например, на грядущих февральских торжествах...

– Твои слова, да богу в уши. – «Старец» огладил бороду и потянулся к стоящему на «греческом» столике хрустальному графину с янтарной жидкостью. – А ну, как и вдругорядь сорвется? Энтот иуда будто заговоренный – аж тринадцатый раз, и все одно вывернулся!.. Ну, да ладно. Поживем – увидим... А вот мадерца-то у тебя хороша!..

* * *

Четвертого сентября император и премьер-министр встретились, как и было оговорено, тет-а-тет. Государь был собран, порывист и деловит. Столыпин даже подумал, что император отменит разговор, поскольку куда-то торопится. Однако беседа все же состоялась, хоть и краткая.

– Петр Аркадьевич, я ознакомился со всеми вашими документами, что вы мне передали в ночь покушения. Не скажу, что в восторге от нарисованной вами картины и особенно от проекта закона о запрещении на территории Империи деятельности организаций, имеющих отношение к масонству. Но, с другой стороны, вы правы: хаос нужно остановить любой ценой, иначе государство погибнет. – Николай Александрович сделал паузу, прошелся по гостиной, увешанной охотничьими трофеями, где происходила встреча. Столыпин терпеливо ждал продолжения.

Он думал: если бы покушения не случилось, его бы следовало устроить самому, нанять каких-нибудь безумцев. Теперь, поняв, как легко он мог лишиться премьер-министра, Николай Александрович словно переменился, разногласия отступили на задний план, опасность объединила их – не всегда последовательного и решительного в поступках царя и твердого, способного идти наперекор мнению двора Столыпина. Тем более что Александра Федоровна порядком напугалась, узнав о покушении, и не отважилась молвить хоть слово во вред Петру Аркадьевичу. Опять же – телеграммы от Марии Федоровны и великих князей...

– Итак, я принял следующие решения, – сказал государь. – Закон о запрещении масонства отложить до того времени, когда будут собраны неопровержимые доказательства вреда, наносимого империи этими господами.

Столыпин кивнул. Фактически это был приказ действовать.

Затем была крошечная пауза. Петр Аркадьевич потрогал раненую руку. Странная иллюзия: кажется, будто прикоснешься пальцами к больному месту, и боль станет меньше. Царь это движение заметил.

– Деятельность военно-полевых судов в отношении террористов и прочих, подрывающих устои государства и самодержавия, возобновить в кратчайшие сроки, – сказал он. – Весь пакет агропромышленных реформ перевести в ранг закона и оформить в виде специального указа за моей подписью. Дело это важное, даже жизненно необходимое, тем более что результаты ваших нововведений налицо...

– Есть еще один вопрос, Ваше Величество, – вежливо заговорил Столыпин, воспользовавшись новой паузой, – требующий безотлагательного решения. И вытекает он как раз из произошедшего инцидента в театре...

– Я догадываюсь, что вы хотите сказать, Петр Аркадьевич, и в данном случае полностью с вами согласен. Необходимо срочно сформировать особое ведомство, неподконтрольное Департаменту полиции, которое бы профессионально занялось проблемой охраны выс-

ших сановников империи. Предлагаю подчинить новую структуру непосредственно моей Канцелярии. Я сам подберу куратора...

– Вы совершенно правы, Ваше Величество, такая структура необходима, и она будет создана в кратчайшие сроки. Я подготовлю проект указа.

– Назовите ее... Служба охраны высшей администрации. – Император улыбнулся в усы. – СОВА... А что, по-моему, неплохая аббревиатура получается?

– Верно, – посветлел лицом и Столыпин. – И даже герб придумывать не нужно – сова и будет!..

Император заложил по обыкновению руки за спину, качнулся с пяток на носки и кашлянул, глядя в окно на густые кроны отяжелевших плодами яблонь и груш.

– Петр Аркадьевич, ныне известная вам личность, имеющая некоторое отношение к моей семье, спешно отбыла за границу, кажется, в Иерусалим...

– Именно так, Ваше Величество. У этого... упыря воистину звериное чутье на опасность. Подполковник Кулябко еще не успел назвать его имя, а подлец уже выправил себе подорожную!..

– Действительно, этот человек вовремя сумел выйти из-под наблюдения Особого департамента. Однако, как только он вернется в Россию, его необходимо будет изолировать от контактов с императрицей и наследником всеми возможными способами. Для их же блага... Думаю, это будет несложно сделать с помощью сотрудников учреждаемой нами службы?

Столыпин внимательно посмотрел на государя, словно силясь обнаружить скрытый подвох в его словах. Но внутри премьера бушевала волна искренней радости. Он прекрасно понял, о ком идет речь. Наконец-то!.. Эта гнида, этот кровосос, этот растлитель душ по царскому велению попадет в его руки!

– Можете всецело положиться на меня, Ваше Величество. Одно ваше слово, и тот, о ком вы говорите, никогда больше не беспокоит ваших близких! СОВА справится с такой несложной задачей.

– Этого не потребуется, Петр Аркадьевич. Достаточно будет устранить его присутствие в столице. К тому же Александра Федоровна на днях имела возможность убедиться в мудрости поговорки, что незаменимых людей не бывает...

– Вы имеете в виду лечение наследника, Ваше Величество? – осторожно, боясь ошибиться, уточнил Столыпин.

– Именно! – Император вздохнул с явным облегчением. – Профессору Бадмаеву удалось подобрать лекарство, и теперь надобность в... посещениях известной вам личности отпала. Так что действуйте, Петр Аркадьевич!..

Глава 1

Июль 1912 года. Москва

– Вот за что люблю «Московские ведомости», так это за ахинею, – сказал Давыдов¹, стоя перед зеркалом и придирчиво оглядывая себя. Одернул китель, поправил шнуры серебряного аксельбанта на правом плече – знак окончания Академии Генерального штаба, провел ладонью по сверкнувшей золочеными мечами «Святой Анне» на груди.

Из зеркала глядел плечистый офицер в расцвете лет. Так сказал бы всякий про мужчину с уверенной повадкой, которому до тридцати всего год, мальчишеской худощавости не осталось и в помине, под одеждой угадываются литые округлые мышцы, и взгляд не распахнутый, полный удивления перед причудами жизни, а с истинно мужским строгим прищуром. Хотя постоянно возникающая на губах молниеносная улыбка и выдает живой и непоседливый нрав...

– В самом деле? – откликнулся его приятель, орловский помещик Барсуков, лихорадочно копаясь в своем саквояже. Он был в одном белье, панталоны и белоснежная сорочка висели на спинке стула, а где-то в глубине квартиры камердинер утюжил фрак.

Из саквояжа вылетали, будто от разрыва гранаты, платки, носки, перевязанные лентами пакетики, мешочки; шлепнулась на пол потрепанная книжка «Искусство флирта и обольщения»; наконец вспорхнули к люстре большие домашние туфли без задников.

Барсуков на миг оторвался от своего занятия и оценивающе взглянул на Давыдова.

– Хорош!.. За что «Анну»-то схлопотал?

– За Люйшунь.

– Ух ты! Это когда там эскадру япошек на минное поле заманили?

– Ага. Славную «липу» им тогда подкинули...

– Сокол ты, Давыдов! Весь в деда... Так что ты там про «Ведомости» сказал?

– Да репортеришки ихние – сущие балаболки: где-то что-то краем уха услышат, сущую нелепицу, и сразу раздувают событие европейского масштаба, а потом из номера в номер извещают о своем расследовании. И вся Москва потешается! – усмехнулся Денис, отойдя наконец от зеркала вполне довольный собой.

– А им того и надо, – поддакнул Барсуков и вернулся к прерванному занятию – поискам запропастившихся куда-то запонки. Он сумел вырваться из имения, оставив жену с новорожденной дочкой, и примчался в столицу тратить деньги. А для этого следовало сделать из себя светского льва хотя бы на две недели. – Читал недавно про медведя?.. Да вот же они! В последний миг Катя сунула...

Разогнувшись, он показал коробочку, открыл ее, недовольно хмыкнул.

– Алеша, надень другие запонки. – Давыдов искренне посочувствовал приятелю. – Почему тебе понадобились именно яшмовые? Кто вообще тебя запонками снабжает? Это же сущий ужас!

– Жена... – вздохнул Барсуков. Он пытался одеваться не хуже столичных щеголей. Получалось плохо.

– Выбрось, право. Новые купим на Кузнецком Мосту... Так что медведь? Я не уследил – хозяин нашелся?..

Из номера в номер репортеры описывали страдания юного медведя. Сперва он был опоен водкой и отправлен из Вышнего Волочка в Москву в багажном вагоне, уложенный

¹ Краткие биографии главных героев приведены в конце книги, дабы пыливый читатель мог удостовериться, что мы ничего не выдумали. – Примеч. авт.

в кадушку и укрытый рогожей. Затем мишка проснулся слишком рано, на станции Кулицкой, вылез и произвел подозрительный шум. Станционные служители решили, что в вагоне заперт сундучный вор – мошенники наловчились сажать щупленьких парнишек в хитро устроенные сундуки и отправлять в виде багажа, чтобы за время пути воришка вылез, обчистил все ящики и чемоданы и с добычей забрался обратно. Вызвали полицию, вагон оценили, двери раздвинули и увидели страшное чудовище. Перепуганный медведь вскидывался на задние лапы, ревел и, сказывали, едва не пробил дурной башкой вагонный потолок. Его поскорее заперли и отправили в столицу – пусть там разбираются. И вот выяснилось, что зверя уложили в кадушку по распоряжению именитого купца Бабушинского. Его управляющий привез кадушку и проследил, чтобы ее установили в углу вагона. Он же, будучи приперт к стенке, и про водку рассказал.

– Нашелся! Штраф платить не желает... Вот неплохо бы, если этот купчина вздумает дворянства добиваться, поместить ему на герб медведя в кадушке!

Давыдов рассмеялся.

– Это было бы по заслугам, – сказал он. – А вообще – недостойн наш купчина такого зверя. Гербовый медведь – это сила, ловкость и большое упрямство при защите отечества. Кажется, в гербе города Берлина он присутствует, еще какие-то европейские города его присвоили.

– Да, медведь – он такой... Это я тебе как охотник говорю. Куда опаснее льва. А львов на гербах развелось – на целую Африку хватит, и за что им такая честь? Взять хотя бы британского! На самом же деле лев – ленивая скотина, ему львицы добычу приносят.

– А на британском гербе лев-то в короне, да еще и рампант!

– Это как?

– На дыбках стоит. Вроде к прыжку приготовился. А напротив него – единорог стоит, тоже взъерепенился. – Денис откровенно развлекался, разглядывая оторопелую физиономию приятеля.

– И почему же он ерепенится? – Барсуков даже рот приоткрыл из любопытства.

– Тебя на цепь посадить, небось тоже взбрыкнешь!

– Меня?! На цепь?!.. Накось, выкуси!..

Денис не выдержал и расхохотался. Барсуков несколько секунд непонимающе смотрел на него, потом, осознав причину веселья, надулся было. Однако тут же просветлел лицом и бросил с небрежной хитринкой:

– Слушай, Давыдов, а какого черта мы собрались в концерт? На кой нам сдались эти фортепьяны и шуманы? Давай в балет!

– В концерте – приличное общество.

– А в балете – фигуранточки!.. Юбочки – вот по сих! – Барсуков стукнул себя ребром ладони по бедру, вершка на три повыше колена. – Кузьма, где ты там? Беги, добудь газету с театральной афишкой!

Денис понял: классическая музыка обнаженным ножкам не конкурентка.

Он приехал в Москву из северной столицы ради встречи с курьером, везшим ценные сведения с Дальнего Востока, где снова зашевелились японцы, очухавшиеся наконец после разгрома их флота на рейде Порт-Артура восемь лет назад. Но курьер задержался где-то, чуть ли не в Иркутске, а о причинах этого сообщил весьма туманно. В результате Давыдов получил два дня неожиданного отдыха и телефонировал в московскую квартиру Барсукова так, наудачу. И надо же – старый лакей Кузьма, оставленный охранять квартиру, наушник сразу передал хозяину.

Концерт, составленный из произведений Шумана, не был предметом первой необходимости, просто Денис пожелал сделать приятное кузине-консерваторке. Кузина была хороша собой, и невинный флирт с девушкой очень занимал Давыдова. Но, увидев в афише балет

«Дон Кихот», он ни секунды не колебался. В прелестном балете Минкуса столько азарта и романтических плясок, столько ножек мельтешит, что грех не сходить, тем более балетмейстер Горский поставил вполне связное действо, а не грандиозный дивертисмент, как в Мариинке. Конечно, столичные балерины лучше, безупречнее, но в московских плясунях больше огня, так что решено!

– Телефонирuem Шереметеву! – воскликнул воспрявший Барсуков. – То-то Митька будет рад!

Дмитрий Александрович, несмотря на молодость, уже получил чин тайного советника, был женат на прелестной юной графине Домне Бобринской, но при этом оставался страстным балетоманом, имевшим в Большом театре собственную ложу, добытую, правда, не без помощи авторитета отца, генерал-майора Свиты Его Величества и руководителя Музыкально-исторического общества Санкт-Петербурга. Обычно Шереметев приглашал в Большой мужскую компанию, чтобы без помех обсуждать достоинства не только музыки и сценографии, но и фигуранток, танцовщиц, корифеек и прочих балерин. Только там можно было, вопреки восторгам газетчиков, единодушно согласиться, что «у заезжей дивы Пьерины Леняни ноги коротковаты, икры толсты, антраша – мазня, амбуатэ – кошмар, да и вообще в ее годы пора бы уж внуков нянчить».

Заранее радуясь веселому вечеру, Барсуков кинулся к телефону, распевая во всю глотку:

Я возвращался на рассвете,
Всегда был весел, водку пил,
И на цыганском факультете
Образование получил!

– Алеша, побойся Бога! Ты что, служил в «бессмертных»? И где же нашли слона тебе под седло?

Менее всего, глядя на Барсукова, можно было подумать, что этот рослый и крупный мужчина хоть две недели прослужил в Александрийском гусарском полку: в гусары брали невысоких и шустрых, из них получались отменные наездники. «Бессмертными» александрийцев издавна прозвали за отвагу, черные мундиры и полковую эмблему – серебряную «мертвую голову», а их лихая застольная песня ушла в народ и исполнялась решительно всюду.

Так что поддеть располневшего и не знавшего прелестей военной службы приятеля – святое дело!

– А говорят, Бог посмотрел на гусара и придумал колесо, – отшутился Барсуков, намекая на известную кривоногость хороших наездников. В давыдовском роду их было немало, но Денис, к счастью, этой беды не унаследовал. – Барышня? Барышня, голубушка, душенька, дайте мне Эс-47—16!

Дмитрий страшно обрадовался звонку и даже предложил после балета ехать в «Яр». Да не просто так, а с молоденькими фигуранточками, которых обещал выбрать и пригласить лично. Танцорки Шереметева любили – щедр, обходителен, весел и не назойлив, да и какая дурочка откажется от приглашения в «Яр», где за соседним столиком запросто мог оказаться кто-либо из великих князей?

– Вот видишь, нас ждет прелестный вечер! – резюмировал довольный Барсуков и завертелся, требуя, чтобы Давыдов оценил, как на нем сидит новый фрак. – А вот куда можно податься завтра? Московские дамы, слышал, составили «Общество культурных связей». Уж что они называют культурными связями, одному Богу ведомо, хе-хе... Так вот, они пригласили особу, о которой нынче галдит вся Европа. Эта дамочка – якобы беглая жрица какой-то

языческой богини и исполняет восточные танцы в полнейшем неглиже! Говорят, на ней из одежды – только жемчужные бусы. Она выступает в частных домах и берет за свои пляски немалые денежки.

– Любопытно, – пробормотал Денис. – Возьмешь меня с собой?

Он уже снова стоял перед зеркалом и пальцами выкладывал завитки круто вьющихся черных волос с очаровательным белым локоном, спадавшим на лоб слева. Это было фамильное – и масть, и локон. Повелось от прадеда, в честь которого Давыдов получил свое имя. Того еще поэт Языков воспевал: «Наш боец чернокудрявый с белым локоном на лбу». К счастью, прадедова роста Денис не унаследовал, хотя и был немногим ниже, чем хотелось бы. Зато круглая физиономия, малость вздернутый нос и черные глаза – фамильные, не придершья! При том никому бы не пришло в голову усомниться в славянской крови Давыдова – был он плечист, светлож и румян, как ярославский детинушка.

Седым же локоном Давыдов немного гордился, но и проклинал, потому что дамы при виде этой прядки порой совершенно теряли голову и готовы были брать штурмом давыдовскую опочивальню. Почему локон производил такое действие, понять было невозможно. Но Денис стойко держал оборону и не позволял себе связей, которые грозили неприятностями.

– С превеликим удовольствием! – хмыкнул Барсуков. – Кузьма, иди-ка, поймай нам извозчика...

* * *

На Москву опускался теплый июньский вечер. Уже зажглись новомодные электрические фонари, залив театральную площадь и сквер густым желтым светом. Однако сил у фонарей хватало лишь осветить пространство высотой десять – двенадцать сажен, а выше продолжало царствовать закатное солнце, раскрашивая стены зданий и верхушки тополей красно-оранжевыми пятнами и полосами.

У колонн Большого театра царило сущее светопреставление. Съезжались экипажи и пролетки, с воплями клаксонов подкатывали автомобили, выходили кавалеры в мундирах и во фраках, выводили дам, одетых на разные лады. Эта – в тугом корсете, рисуящем соблазнительные изгибы стана, а та – в модном французском платье от Поля Пуаре, подпоясанном под грудью и словно сползающем с плеч, зато внизу узком до такой степени, что не на всякую ступеньку ногу поднимешь. И на всех – шляпы самых фантастических фасонов.

Давыдов и Барсуков отошли в сторонку, поджидая синий «Руссо-Балт» тайного советника. Шереметев, едва поздоровавшись, похвастался – приобрел новый морской бинокль! Это сокровище в коричневом кожаном футляре фунта три весом, не меньше, изготовленное во Франции по заказу британского Адмиралтейства и совершенно необходимое для разглядывания мельтешащих ножек, Дмитрий прижимал к груди едва ли не волнительней, чем девушку на первом роковом свидании.

Давыдов отродясь не бывал в Большом с таким страшным орудием. Как только приятели оказались в ложе, он выпросил у Шереметева бинокль и стал исследовать огромный шестиярусный зал и знаменитую роспись на потолке, а также дам, занимавших понемногу места в ложах напротив.

Шереметев абонировал ложу в первом ярусе, объясняя это так: классические постановки лучше смотреть немного сверху, чтобы наслаждаться линиями и узорами кордебалета. Из царской ложи – и то белые тюники виллис и «лебедей» сливаются в одно большое трепещущее пятно...

Пока Барсуков с Шереметевым изучали программку и спорили о достоинствах танцовщиц, Давыдов возился с биноклем: выставив восьмикратное увеличение, он принялся

искать в партере знакомых, из-за чего и пропустил момент появления странного человека. Ему явно не место было возле кресел, которые занимали важные господа.

Незнакомец выглядел слишком заурядно для театрала – студент или мелкий канцелярист – бледная тощая личность в поношенном цивильном костюме. Давыдов подумал, что он ищет свое начальство, чтобы доложить о выполнении распоряжения. Но опытным взглядом отметил единственную деталь, не вписывавшуюся в портрет: достаточно внушительный животик, вернее, живот!

Эта деталь выламывалась из образа настолько, что Денис, хоть и с запозданием, все же отвлекся от приятного процесса и попытался присмотреться к «нарушителю гармонии пространства», как выражался профессор психологии Яринцев из академии. Однако тощий пропал из поля зрения так же быстро, как и появился, и сколько Давыдов ни шарил по толпе взглядом, не смог его отыскать.

– Ого! – невольно вырвалось у Дениса в следующий момент, ибо буквально наткнулся на знакомую до боли физиономию. Через секунду тренированная память контрразведчика подсказала: Андрей Голицын! Бывший однокашник по академическому курсу, одетый во фрак с ослепительно белым пластроном, с радужной искрой бриллианта в галстучной булавке, стоял у барьера оркестровой ямы с каким-то молоденьким щеголем. С Голицыным Денис охотно бы побеседовал в антракте – им было что вспомнить.

Давыдов достал часы. До начала спектакля оставалось тринадцать минут, уже появились в яме первые музыканты, но не все места в партере были заняты. Он успевал добежать до Голицына и условиться о встрече.

– Я сейчас, господа, – сказал Денис приятелям, но те лишь отмахнулись: мол, валяй.

Бежать навстречу потоку нарядных дам, поднимающихся по устланным коврами дорожками лестницам, удовольствие сомнительное, и дважды Давыдова обозвали нахалом. Но то были почтенные старые дамы, на которых белый локон не действовал.

Лавируя, Денис спустился в партер не там, где рассчитывал. К Голицыну можно было проскочить между рядами кресел, и Давыдов отважно ринулся в проход, двигаясь боком и посекундно извиняясь. Тут-то Денис и увидел снова странного тощего юношу с большим животом. Он быстро шел по центральному проходу партера в сторону оркестровой ямы, к первым рядам, где как раз рассаживались именитые посетители – семейство начальника Московской сыскальной полиции, председатель образовательного комитета Государственного Совета с супругой и дочерью и прочие почтенные и достойные представители московского общества. И снова, как и в первый раз, у Давыдова возникло неприятное ощущение несоответствия. Ну, не должно быть этого человека в таком месте и в такое время!

Денис оглянулся по сторонам: штатные сотрудники охраны правопорядка и капельдинеры, проверяющие билеты у последних, почти опаздывающих, зрителей, торчали на привычных местах – у каждого выхода.

Но как раз в первых рядах кресел, где находились важные персоны, даже ни одного капельдинера не было, и именно туда стремился тощий субъект с большим животом. Давыдову оставалось пройти десяток кресел, когда это произошло. Странный человек достиг барьера оркестровой ямы, развернулся лицом к залу и распахнул полы пиджака.

– Да здравствует свобода! – перекрывая негромкую разноголосицу настраиваемых инструментов, фальцетом прокричал он. – Смерть тиранам и угнетателям!..

Раздался такой визг, что на мгновение у Давыдова уши заложило. Он профессиональным взглядом за доли секунды сумел оценить ситуацию и даже пожалеть, что не оказался рядом. «Живот» под пиджаком у юноши на поверку стал поясом с динамитными шашками, а реле взрывателя террорист уже сжимал в руке.

Давыдов непроизвольно пригнулся, однако взрыва не случилось. За миг до того, как смертник нажал на кнопку, Голицын, стоявший слева от него шагах в пяти, совершил неве-

роятный прыжок, буквально распластавшись в полете, и обрушился всей тяжестью на террориста, умудрившись вырвать из его руки взрыватель. Оба рухнули в проход возле ямы. К ним тут же подскочили еще двое из публики. Началась свалка.

– Полиция! – продолжала голосить какая-то дама во втором ряду, перекрывая общий гвалт.

Полицейским Давыдов не был, однако рванулся вперед еще быстрее, пробился сквозь толчею и увидел, что на полу барахтаются четыре человека. Внизу хрипит тощий бомбист, выпучив глаза и елозя щекой по ковру. Его оседлал Голицын, красный от усилия, и заламывает подлецу руки. Рядом бестолково суетится его недавний щеголь-собеседник, а еще один крепкий господин во фраке цепко ухватил Андрея за шиворот и пытается стащить с преступника.

Моментально разобравшись в ситуации, Давыдов отшвырнул четвертого в сторону, повредив ему кисть правой руки так, что не скоро заживет. Потом ухватился за левую руку голицынской жертвы, и тут однокашник его узнал.

– Скорее, Давыдов! – крикнул он. – Нужно вытащить этого мерзавца отсюда! Ставим на ноги... Осторожно...

Они споро поволокли разом сникшего террориста к выходу, а подоспевшие охранники следом прихватили его полуоглушенного подельника. В вестибюле Голицын свистком созвал перепуганных капельдинеров, приказал одному телефонировать в полицию, другому – принести веревку, третьему – бежать в дирекцию и требовать, чтобы предоставили хоть какое помещение, куда можно было бы посадить добычу.

– Держи сукина сына крепче, – велел Голицын Денису. – Не ровен час, подорвет на себе эту хреновину, тогда и нам несдобровать.

– Все восхищены вашим геройским поступком, господа! – встрял между ними пронырливый тип с блокнотом и карандашом. – Представьтесь, пожалуйста, для срочного интервью в утренний номер «Московским ведомостям»! Только нашей газете!

– Да пошел ты! – отмахнулся от него, как от мухи, Андрей и крепко пожал руку бывшему однокашнику по Академии Генерального штаба. – Спасибо, дружище, вовремя подоспел.

* * *

В тот вечер никаких испанок с розами в волосах не получилось. По просьбе Голицына Давыдов поехал вместе с ним. В полицейском участке Андрею, предъявившему некий загадочный документ, сразу дали отдельное помещение и вызвали специалистов, знающих толк во взрывных устройствах. Потом, когда пленника освободили от опасной игрушки, Голицын телефоновал незримому начальству; пришлось ждать решения; около полуночи за пленником приехали, а Давыдов с Голицыным наконец-то вышли из участка на свежий воздух.

– Ф-фу! – сказал однокашник. – Пронесло! Ну, что, к «Яру»? Угощаю, я твой должник.

– Не откажусь, – ответил Денис, у которого с обеда маковой росинки во рту не было. – Ты же знаешь, я всегда за справедливость.

То, что для Шереметева там всегда найдется столик, не удивляло, точно так же Денис пребывал в уверенности, что и Андрей попадет в знаменитый ресторан без затруднений. «Яр», конечно, не гуттаперчевый, и всех желающих не вмещает, несмотря на то, что его два года назад перестроили и из причудливого деревянного терема превратили в сущий дворец с куполом и колоннами.

Когда подъехали, Голицын послал хозяину, бывшему ярославскому крестьянину, а ныне знатному ресторатору Алексею Акимовичу Судакову визитную карточку. Пять минут спустя однокашников через боковой вход провели в отдельный кабинет.

– Конечно, в общем зале поинтереснее будет, там тебе все знаменитости и при них цыгане, – пояснил Голицын. – Но я с тобой о деле хочу поговорить.

Они удобно расположились на угловом мягком диване, обложенном к тому же вышитыми подушками.

Давыдов глядел на однокашника, пытаясь высмотреть перемены в его лице. Светлые волосы по случаю выхода в свет припوماжены, но острижены так же коротко, как полагалось в кадетском корпусе. Лицо, пожалуй, осунулось, стало сухим и тонким, как положено аристократу. И еще неподвижным – вот главная перемена. Оно теперь прекрасно скрывало мысли и чувства хозяина. Да, взгляд стал другим, спокойным и холодным даже сейчас, когда ничто не мешает радоваться встрече. Впрочем, особо пылкими страстями Голицын и в академии не блистал. Незадолго до выпуска у всех завелись романы с барышнями, а он возился с конспектами, всем видом показывая: дурачье вы, господа, тратите время бездарно, а карьеру кто будет делать? Давыдов знал, что как раз по части карьеры у старого товарища все благополучно. И предполагал, что лет через десять Голицын очень выгодно женится, а невесту ему будут искать все пожилые столичные барыни, и немало из-за его благосклонности вспыхнет ссор и скандалов.

Стены кабинета, затянутые тяжелым бархатом, казалось, съедали любые звуки. При этом в помещении было на удивление свежо – видимо, имелась хитро устроенная вентиляция. Половой мигмом расставил перед господами набор холодных закусок, запотевший графинчик с крымской мадерой и тут же испарился.

Андрей наполнил пузатые рюмки янтарной жидкостью, отсверкивающей в мягком полусвете живым золотом.

– Ну, со свиданьем, дружище Давыдов! – Они чокнулись, пригубили душистое вино.

– «Стукнем чашу с чашей дружно, нынче пить еще досужно», – вспомнил Денис прадедовы стихи и очень удивился, когда Голицын продолжил строфу:

– «Завтра трубы затрубят, завтра громы загремят...» Да-а, не приведи Господь. Сколько же мы с тобой не виделись?

– Да, считай, с самой Академии, – хмыкнул Денис, принимаясь за телятину с хреном и малосольными огурчиками.

– И вот надо же, где угораздило свидеться! – Андрей взялся за заливное из судака.

– Так ведь меня после курса сразу в Осведомительное агентство² направили, а потом – в Маньчжурию, японцев шерстить.

– А меня поначалу в Особый департамент³ определили, на оперативную работу...

– А нынче?

– Нынче, брат, я на особой службе! – Голицын снова поднял рюмку. – Давай-ка за нас, за офицерский корпус, за незримых сторожевых псов государя нашего и Отчизны!

Выпили до дна. Давыдов даже крикнул: хороша мадерца, давненько такой не пил!

– А что все-таки за дело, о котором ты хотел поговорить со мной? – кивнул Андрею.

– Ага, запомнил. Хорошо. Что ты знаешь об организации под названием СОВА?

– Почти ничего. Кажется, это что-то вроде специального подразделения для охраны высших должностных лиц империи?..

– Ну, и это тоже... СОВА – Служба охраны высшей администрации – особое ведомство. Оно образовано по личному распоряжению Его Величества вскоре после известного

² 10 мая 1895 года по указу Николая II создано Осведомительное агентство (ОСВАГ) с подчинением непосредственно императору для выполнения разведки и борьбы за российские интересы за рубежом. Директором агентства назначен статский советник Владимир Иосифович Гурко (Ромейко-Гурко).

³ 10 февраля 1895 года вышел указ императора о создании Особого департамента при Канцелярии Е.И.В. в задачи которого входило выполнение контрразведывательных мероприятий на территории Российской империи. Руководителем департамента назначен генерал-лейтенант Николай Иванович Петров.

покушения на премьер-министра Столыпина в Киеве. Можно сказать, это злодейство стало последней каплей, переполнившей чашу терпения государя. Террор нужно было остановить во что бы то ни стало. А главное, докопаться до его корней. До тех, кто заказывает эту «похоронную музыку». И скоро это стало даже не второй, а первой и главной нашей задачей. Понял, чем занимается СОВА?

– Значит, ты теперь «совенок»? – прищурился Денис и потянулся за графином. – Охраняешь или отслеживаешь?

– В основном – второе. – Андрей подвинул ему свою рюмку, сам же достал из кармана крошечную коробочку, раскрыл и выставил на стол. Там на бархатной подушечке величиной чуть побольше мундирной пуговицы лежал значок – сова из темно-красной эмали с мелкой бриллиантовой россыпью вокруг глаз.

– И что, все у вас такое носят?

– Носят?! Да я понятия не имею, куда это приспособить. На виду – нельзя, я не барышня и не кокотка. А мы тогда от сознания собственной значимости и великой незримой власти словно одурели, сговорились, заказали себе эти штуки. Благодарение Богу, что денег не хватило – нашей дурости стало бы и на то, чтобы заказать эмалевых сов в натуральную величину.

Давыдов усмехнулся, язвительность товарища была ему хорошо известна.

– А зачем ты мне все это рассказываешь? – спросил он. – Да еще птичкой хвалишься?

– Не догадался?

Денис молча наполнил рюмки, взял свою, медленно принялся крутить в пальцах ее вычурную ножку. Голицын тоже не спешил выпить, откинулся на подушки и терпеливо ждал ответа.

– Я, дружище, весьма доволен службой, – наконец проговорил Давыдов и прямо посмотрел на однокашника. – И считаю, что моя работа важна не меньше твоей.

– Да разве ж я предлагаю тебе ее менять?! – искренне удивился Андрей. – Вот чудак-человек! Я ж тебе совсем о другом толкую.

– Тогда уточни.

– С удовольствием. Суть в том, что для такого сложного и – не скрою – опасного дела, как борьба с вражеской агентурной сетью, нужны самые разные таланты.

– И какой же талант ты разглядел у меня? – Давыдов улыбнулся и принялся накладывать себе в тарелку ассорти: маринованные маслята, греческие маслины, куриные фрикадельки под сыром и пару песочных корзинок с севрюжьей икрой.

Голицын последовал его примеру, добавив к набору моченой брусники и пирожок с луком.

– Я тебе, Денис, отродясь комплиментов не говорил, если помнишь.

– Да уж! Такого от тебя наслушался...

– По существу наслушался. А теперь вот сижу перед тобой, как старый балетный генерал перед Малечкой Кшесинской после ее блистательного выступления в «Баядерке», и соловьем разливаюсь. Ну, вот прости, комплименты – дело для меня непривычное... соберусь с силами и приступлю. Ты, Денис, обладаешь самыми лучшими качествами для офицера-контрразведчика: молод, красив, образован, бесстрашен, силен и предан.

– Шесть штук, – подытожил Давыдов, не желая отставать в ехидстве от Голицына. – Но молодость на исходе.

– Ничего, мы с тобой, как старые пни, еще поскрипим. Да, седьмое: быстро принимаешь решения. И этим ты сегодня, возможно, и меня, и весь театр спас. Ну, ты приблизительно понял уже, что я предлагаю. Притом тебе совершенно необязательно менять место службы. Даже нежелательно. Просто у тебя появится еще одно важное дело, важное и нужное для

безопасности Отчизны. Ты ведь как разведчик понимаешь, что новая война не за горами. И это будет очень большая война.

– Совершенно не нужна сейчас России война.

– Ну вот, сам все понимаешь... И ради этого, ради того, чтобы войны не случилось, ради долгой и мирной жизни мы и кладем свои. Это не риторическая фигура, Денис, враг у нас основательный, и – прямо скажу – будь ты женат и с детишками, ничего бы я тебе не предложил. Но мы оба свободны, и вдовы, коли что, голосить не станут, сиротки за гробом не побредут. Справимся – будем и дальше жить и радоваться, мадеру пить, барышень любить, а нет...

Андрей резко умолк, залпом осушил рюмку и посмотрел на друга. Тот несколько секунд разглядывал свою порцию, потом тоже махнул одним глотком и сказал:

– Хорошо. Убедил. Чем мне предстоит заниматься?.. Только имей в виду, у меня по службе тоже куча дел, и меня могут в любой момент загнать туда, где Макар телят не пас.

– Спасибо, дружище, за доверие. Учту, – облегченно вздохнул Голицын. – Отношения наши мы, конечно, оформим должным образом, а пока – вот тебе первое задание.

– Так сразу?

– Время не терпит. Ты о графине Крестовской слыхал?

– Кто ж о ней не слыхал? Московская достопримечательность. Всеобщая тетушка и бабушка. Только в Москве такие еще и водятся. По-моему, через ее салон только Наполеон Бонапарт не проходил, потому что этаким гостем она бы уж похвасталась, – усмехнулся Давыдов.

– Чудак ты! Бывал, бывал у нее Бонапарт! Шарль Луи, конечно, – рассмеялся Голицын. – А не признается, чтобы не принялись считать, сколько же ей годочков.

– А на самом деле?

– За семьдесят, но вовсе молодится. Раза два за зиму непременно замуж собирается. Так вот, всякий год у нее новые любимцы. Сейчас, когда в большой моде благотворительность, она привечает одну даму, американку по фамилии Веллингтон, которую принесла нелегкая в Москву, чтобы открывать по всей России приюты для сироток нового образца. Ты про Исидору Дункан слыхал?

– Про «босоножку»? – Денис усердно ловил по тарелке юркий масленок, не желавший попадаться на вилку.

Американская плясунья лет семь назад гастролировала в Санкт-Петербурге и в Москве, собирая полные залы и ввергая публику в трепет. В Мариинке и в Большом танцовщицы, желая показать, что ходят по сцене босиком, рисовали на ногах пальчики поверх трико, а эта – доподлинно сверкает голыми пятками, и под всеми одеяниями, что на ней болтаются, взмывая вверх и распаиваясь на прыжках, вовсе ничего нет! Давыдов пробился посмотреть на модное диво и остался в недоумении. Или это уж было чересчур для него возвышенно, или, как он в простоте души полагал, с такими плясками справится любая молоденькая кокотка, утратившая всякое чувство стыда.

– Ага. – Андрей отправил в рот песочную корзинку с икрой, пожевал, пожмурился от удовольствия. – Эта Дункан у себя в Америке заработала плясками в древнегреческом стиле бешеные деньги и открыла приют для девочек, где их учат пению и танцам, а на прогулки выводят в древнегреческих хитончиках. Вот такая у нее блажь. И мисс Элис Веллингтон, по примеру этой чудачки, собирается всех наших сироток обрядить в хитоны и сандалии. Заметь, без всяких батистовых панталончиков.

– В самом деле, чудачество. И кому это надо?

– Не удивлюсь, если никому. Американцы и не на такую дурь способны. Однако, дружище, хоть эта мисс приехала к нам из-за океана, вряд ли она американка. Увидишь – поймешь. Ты ведь по-английски немного балакаешь?

– Хуже, чем по-японски, но уж с дамой как-нибудь договорюсь. Значит, мисс Элис Веллингтон? Интересно, уж не родственница ли она знаменитого английского фельдмаршала Артура Веллингтона, победителя Ватерлоо?!

– Вот заодно и выяснишь. К счастью, дамы, глядя на тебя, менее всего задумываются о твоих умственных способностях. Плечищи, черные глаза, локон этот фамильный – и все, больше им ничего не нужно.

– Откуда такие сведения?

– От родной сестры, – усмехнулся Голицын. – Она была в тебя влюблена, да не одна, а вместе со всем гимназическим классом – двадцать три души! Чуть ли не до смертельного питья уксуса дело доходило.

– Что ж ты молчал?! – Давыдов закатил глаза и хихикнул.

– Только теперь призналась. Когда стала женой и матерью двух крошек... Так вот, наве-сти-ка ты госпожу Крестовскую.

– Предлог нужен...

– Простейший! – отмахнулся Голицын. – Узнал о будущих приютах для девочек и решил пожертвовать некоторую сумму... Да не смотри на меня так. Деньги я тебе выдам, и даже без расписки – у нас на то особые суммы, не мелькающие в отчетности. Главное – свести знакомство с этой американкой.

– По-моему, ты преувеличиваешь мою неотразимость, Андрюха, – покачал головой Денис.

– Тогда поезжай на Кузнецкий Мост, пройдишь по лавкам. Купи сиреневые кальсоны из шелкового трико. Тебе будут к лицу!

– Ох, чует мое сердце, зря я с тобой связался!.. Ладно. Продолжим!..

И друзья с завидным аппетитом налегли на молочного поросенка, только что достав-ленного к столу расторопным половым.

* * *

Два дня спустя Давыдов с корзиной цветов, принаряженный и благоухающий одеколо-ном «Сиу», стоял у дверей небольшого, типично московского особнячка Крестовской. За это время Денис успел встретить курьера и передать по инстанции куратору секретный пакет. А затем испросил разрешения задержаться в Первопрестольной еще на несколько деньков, благо, обстановка пока позволяла. Он заранее выяснил, что госпожа графиня нынче прини-мает по четвергам.

Время тоже выбрал самое обычное для визитов – послеобеденное. И вот теперь пере-минался с ноги на ногу, словно в воду прыгать собрался.

До сих пор его задания не предполагали донжуанских подвигов. Он даже не очень-то умел ухаживать за дамами – просто не было такой необходимости. Вот толстый Барсуков – тот выучился! Не зря же с собой книжки про флирт и обольщение возит...

Мудрая мысль пришла в давыдовскую голову с явным запозданием: нужно было для отваги хлопнуть хоть стопочку коньяка. И тут в голове включился граммофон.

«Когда я пьян, а пьян всегда я, – пропел залихватский голос, – ничто меня не устрасит! И никакая сила ада мое блаженство не смутит!»

– Брр!.. – вслух сказал Денис. Ему только пьяного Барсукова в голове не доставало.

Однако несуразный куплетец взбодрил. Что-то мистическое все же было в гусарской песне. Денис перекрестился, вздохнул, усмехнулся и нажал кнопку новомодного электриче-ского звонка.

С графиней Крестовской Давыдов встречался год или два назад, в этом же доме, сопро-вождая красавицу-кузину и ее матушку. Хозяйку он запомнил как даму, немилосердно затя-

нутую в корсет и с пышной прической, на которую пошло фунта два фальшивых пепельно-русых волос, такими толстыми были бандо надо лбом и по бокам.

Войдя же нынче в гостиную, он не сразу сообразил, что дама на диване и есть Ангелина Павловна Крестовская. Темные волосы, уложенные в греческую прическу с золотой диадемой, лихо сдвинутой к затылку, платье в стиле Пуаре из ткани с крупным восточным узором, а на протянутой для поцелуя руке – сложное сооружение из двух перстней и браслета в виде змейки, соединенных вместе. Причем на кисти, именно там, куда следовало беззвучно приникнуть губами, оказалась большая розовая камея с головой Горгоны Медузы. Словом, вид у старой графини был экзотический и современный. Никто бы не смог упрекнуть ее, что отстала от моды.

Если бы не обвисшее подрумяненное лицо с тщательно запудренными морщинами, Давыдов не дал бы ей и пятидесяти лет.

– Душка, Денис Николаевич! – жеманно произнесла Крестовская, выслушав визитера. – Вы кстати. Как раз за четверть часа до вас пришла мисс Веллингтон. И вы можете сами отдать ей свое пожертвование.

Ошарашенный обновленным видом графини, Давыдов не сообразил оглядеться. А в гостиной присутствовали и другие гости. Пожилой мужчина с роскошными седыми бакенбардами, едва не свисающими на грудь, дама средних лет с девочкой-подростком, щеголь, похожий на картинку из модного журнала (Давыдов догадался, что это графский внук) и две молодые женщины.

Мисс Веллингтон Денис узнал сразу и подумал: «Боже мой, какая же она американка?!» Жены и дочери заокеанских миллионеров, приезжая в древнюю российскую столицу посмотреть, как по улицам бродят белые медведи, брали с собой все бриллианты, какие только могли приобрести, и ходили блистающие, словно рождественские елки. Но на мисс Веллингтон обнаружилась только небольшая брошь с гранатами, скреплявшая воротничок скромной, под горлышко, белоснежной блузки. Она выбрала для визита лиловый полосатый костюм-тальер с длинным жакетом. И портной, что кроил этот костюм, по мнению Давыдова, честно заработал свои деньги. Тонкая и гибкая фигура гостьи вроде и скрыта, однако обо всех округлостях можно догадаться. Прическа мисс Веллингтон была именно такой, как пристало женщине из хорошей семьи, получившей правильное воспитание, – не слишком пышной; золотистые пряди обрамляли фарфоровое лицо.

«На вид – около двадцати пяти лет, не дитя малое... Пожалуй, можно спокойно прибавить года два-три – не ошибусь», – оценил Денис. Рядом стояла ее подруга, рыженькая, с живым круглым личиком, тоже в тальере, только голубом и с большими клетчатыми лацканами.

«На какой же козе к тебе подъехать, голубушка?» – безмолвно спросил Давыдов.

Голицын на интимном знакомстве не настаивал, но намекал: было бы неплохо. Теперь и Денис понял: было бы неплохо...

– Душка, я вас представлю нашим красавицам, – сказала графиня. – Они с сегодняшнего дня состоят в моем Обществе культурных связей, вступайте и вы, это даст вам шанс! – И подмигнула самым залихватским образом.

С Давыдовым Крестовская говорила по-русски, а к гостям обратилась почему-то по-французски. Тут возникло недоразумение. Давыдов твердо знал, что целовать руку можно только замужней даме, а обе иностранки – именно мисс, однако ручки протягивают исправно. Начинать же знакомство с рукопожатия, которое стараются ввести в моду суфразистки и примкнувшие к ним дамы, как-то нехорошо. Впрочем, черт ее, Америку, знает – может, там эта глупость уже прижилась?

Внесла ясность Элис Веллингтон: в Америке рукопожатие дело обычное, но она получила иное воспитание и против поцелуя не возражает, при этом предрассудки времен вавилонского столпотворения в расчет не принимает.

В свое время Денис начал изучать английский язык, но чуть не подрался с учителем – не так был устроен давыдовский рот, чтобы жевать гласные, фырчать согласные и проделывать языком балетные экзерсисы. И тут ему повезло: знакомые рекомендовали старого морского офицера, не знавшего о существовании склонений и спряжений, но имевшего педагогический талант. Он заставил Дениса прочитать вслух полстраницы дребедени и сказал: «Дурак, кто вообразил, будто английский язык – один. Их много. Я выберу тот, который вам ближе, и буду натаскивать, как юнгу. Потом вы с гордостью скажете, что у вас, допустим, бостонское произношение, и ни одна сухопутная крыса пискнуть не посмеет, потому что так оно и будет».

В процессе обучения Давыдов достаточно узнал об английских языках, чтобы сразу понять: мисс – не американка, мисс – англичанка. Настоящая, чистокровная, разве что плавала в Америку к какой-нибудь дальней родне – развлечься и подцепить богатого мужа. Выходит, не подцепила.

Поцелуй руки – он тоже, как английский язык, не один. Можно подвести свою ладонь под ладонь дамы, практически ее не касаясь, и задержать губы над кистью, опять же без прикосновения, и даже не изобразить «чмок», этого довольно. Или снизу проползти пальцами до нежного дамского запястья и даже чуть выше, изобразить губами легкий трепет и приникнуть самым настоящим поцелуем!..

Это Давыдов и проделал.

Наглость, конечно, при первой встрече устраивать такие штучки, но сердце и опыт подсказали: возмущения не будет.

Ответ был правильный. Полная невозмутимость лица и прикосновение большого пальца Элис, которому при поцелуе полагается безвольно свисать. А он слегка, но внятно прикоснулся к руке Дениса. Диалог состоялся!

Их дальнейшая беседа одновременно на английском и французском – французскую ноту вносила Крестовская – уже была чистой формальностью. Молодые люди прекрасно поняли, что нравятся друг другу. Однако вели себя преувеличенно благовоспитанно, потому что обоим это очень развлекало. Но взгляды! Взгляды говорили без слов: «Я с тобой, ты со мной, мы – пара...»

– Я решила завести у себя правильный английский файф-о-клок, – вдруг без перехода объявила Крестовская. – Дементий, голубчик, – повернулась она к мажордому, – распорядись, чтобы подавали чай. Уж не знаю, как там в Лондонах и Бирмингемах, а у меня будет стоять самовар. Без самовара и чай не чай!

Но, в отличие от купеческого застолья, когда пузатое, двухведерное чудовище взгромождают посреди стола, у графини имелся особый чайный столик, стоящий сбоку, чтобы хозяйка сама могла наливать кипятка в чашки и передавать их гостям, соблюдая давний красивый обычай. Посреди стола стояла, как в лучших домах Лондона, ваза с белыми цветами. Принесены были три заварочных чайника с серебряными подвесными ситечками, установлены возле самовара, чтобы гости могли выбрать любимый сорт чая – индийский, цейлонский или желтый «императорский», самый дорогой из всех.

Дабы уж все было в английском стиле, выставили сервиз из веджвудского фарфора и правильные английские имбирные пирожные, жареные булочки с изюмом и вафли в фарфоровых плетеных сухарницах. Но и русский вишневый пирог присутствовал – как же без пирога?

– Она опаздывает! – неожиданно пожаловалась Крестовская, когда все уселись за стол. – Ну что за разгильдяйство, прости господи? Некоторых, как ни учи, светскими людьми не сделаешь!

И тут дверь маленькой столовой, предназначенной для файв-о-клока, отворилась.

Первым вошел зверек, ростом с бульдога, но очень мохнатый и с вытянутой, как у овчарки, мордой. За ним – женщина, что вела его на позолоченном поводке. Женщина была такая, что Давыдов невольно приоткрыл рот. Доводилось ему встречать дам, одетых в стиле «смотрите на меня все и восхищайтесь», но такая попалась впервые. Заглядевшись, Давыдов даже не сразу понял, что по комнате бродит не шпиц, а самый настоящий медвежонок.

Зверек оказался ручной – сразу сообразил, кто тут раздает тарелочки с нарезанным вишневым пирогом, и потопал к графине, натянув поводок и желая непременно залезть к старушке на колени.

Хозяйка медвежонка, которой полагалось бы удерживать нахала, наоборот – поводок выпустила. Она, будь неладна, уставилась на белый локон Давыдова!

Мишка под шумок ловко вскарабкался на колени к Крестовской, а та от неожиданности даже не взвизгнула – только растопырила руки. Тогда косолапый ткнулся носом ей в губы, учуяв пирожное.

Гости загалдели. Внук театрально призывал отцепить чудовище от бабушки, а скромная дама с дочкой-подростком оказалась неожиданно голосистой и опытной по медвежьей части:

– Отцепить?! Да вы на его когти посмотрите! У него когти – с вершок!

Давыдову приходилось иметь дело с медвежатами. У деда в имении, на заднем дворе, жила пара таких сиротинушек, найденных возле убитой медведицы. Он спокойно подошел и взял мишку, как малое дитя, на руки.

– Господи Иисусе! – выдохнула Крестовская. – Душка, спаситель вы мой! Уберите его куда-нибудь подальше. Господи, страху-то сколько!..

И тут заговорила мишкина хозяйка.

– Рюски медвед! – отчетливо произнесла она с обидой в голосе. Потом быстро подошла к Давыдову и забрала мохнатое сокровище.

Денис увидел вблизи обильно накрашенное лицо. Столичные дамы почти не красились – считались допустимыми разве что румяна, и то полунамеком. Но в обществе на грани приличного и богемного завелись страстные и роковые женщины. Они обводили глаза чем-то вроде жженной пробки, пудрились до смертельной белизны, губы себе рисовали карминные, немного кармина доставалось и мочкам ушей, зачем – непонятно. Примерно так была размалевана и гостя, но скрыть свой возраст не сумела. Давыдов уже через секунду сообразил, что ей тридцать с хвостиком. И хвост этот, скорее всего, предлинный.

Еще Денису показалось странным и безвкусным сочетание цветов в ее одежде – ядовито-розового и нежно-зеленого. Диадема в волосах тоже была из арсенала провинциальной артистки. Но когда по столовой прошелестело «Мата Хари!», Давыдов понял: камни в диадеме настоящие!

– Вы меня перепугали, моя крошка, – по-французски, капризным голоском, сказала танцовщице Крестовская. И та заговорила в ответ весело и страстно, объясняя, что медведь – подарок от поклонника, привезен в виде багажа по железной дороге, и что все это – очаровательная шутка.

– Он обещал мне подарок в русском стиле. И вот вносят что-то большое, деревянное, похожее на низкую бочку. Я думала, там деревенские лакомства – масло, ягоды, варенье... Лакомства в русском стиле! А оттуда выскакивает этот ангел!

Давыдов вспомнил, как описывали «ангела» газетчики со слов станционных служащих. Вряд ли этот мишка, встав на задние лапы, выбил бы головой потолок вагона. Ох, вряд ли!..

– Ваш поклонник безумен, моя дорогая, – прямо заявила Крестовская.

– О, да, да! Настоящее русское безумие! – Мата Хари подошла к окну. – Вот он, караулит меня! Он всюду ездит за мной следом. Я зову его «мой бабуин». Настоящий русски бабуин!

– Но почему?! – не удержался потрясенный Давыдов.

– У него такая фамилия... В России такие забавные имена и фамилии. У вас тоже?

«Боже мой, – подумал Денис, – да ведь она дура! Настоящая неподдельная дура, как теперь говорят, патентованная».

Однако танцовщица, при всей своей глупости, оказалась упорна в достижении цели.

– Там, где я выросла, все было другое, – вещала Мата Хари, закатывая подведенные глаза к потолку. – И мужчины тоже. Мне нравится в России, здесь меня прекрасно принимают, дарят бриллианты! Но ведь я родилась в Индии, в семействе знатного брамина, меня с детства готовили в храмовые танцовщицы. Я могла видаться только с двоюродными братьями... О, это были красивые мальчики, смуглые и черноглазые – как вы! Да, и разрез глаз у вас, как у наших мужчин...

Она придвинулась к Давыдову поближе, буквально впиваясь глазами в его лицо. Оказалось, что она с Денисом почти одного роста. Едва не прижавшись грудью к его груди и не отводя взгляда от его глаз, Мата Хари продолжала рассказ. Ее губы оказались в опасной близости от его губ, что и было замечено всеми гостями Крестовской.

– Но однажды в храм Кришны, где я танцевала с плодами перед статуей божества, тайно пробрался юный английский офицер. Он увидел меня, а я была в наряде пастушки. Это священный наряд для танца перед Кришной – открытые по колено ноги, почти обнаженная грудь... на груди цветы, гирлянда цветов... О, мне было всего шестнадцать лет!.. Он влюбился, он стал искать со мной встреч... А шестнадцатилетняя девушка в Индии... О, мы рано созреваем! Мы уже в тринадцать готовы для любви...

Мата Хари совершенно не обращала внимания, что кроме Давыдова в комнате есть и другие слушатели. Он же внезапно ощутил запах – запах самки, истосковавшейся по самцу. «Только этого мне не хватало! – Денис невольно вздрогнул. – Спятившая от страсти дура в моей собственной постели!..»

– Меня бы не отдали ему. Мой отец был знатный брамин... – бормотала с придыханиями танцовщица. – Я была посвящена Кришне, одиннадцать лет меня учили священным танцам... я блистала... И тогда офицер меня похитил...

– Ваш медведь, мадам! – почти в отчаянье воскликнул Давыдов.

Мишка, воспользовавшись тем, что вся компания с приоткрытыми ртами следила за маневрами танцовщицы, полез на стол.

Очень уж не хотела Мата Хари отрываться от чернокудрого красавца с белым локоном на лбу, но ей снова пришлось ловить медвежий поводок.

Давыдов не растерялся и кинулся к Элис Веллингтон.

– Мы должны увидеться, непременно должны! – воскликнул он, не боясь быть услышанным остальными – такой галдеж поднялся вокруг стола.

– Да, конечно! – прелестно порозовела англичанка. Они, не сговариваясь, схватились за руки и замерли, наслаждаясь секундами даже такой близости.

– Мы с Кэтрин остановились в «Метрополе». Бегите, мистер Давыдов! – произнесла Элис и на мгновение прижала денисовы руки к своей груди. – Да бегите же! Иначе она...

– Бегу!

Не попрощавшись с графиней, Денис пташкой вылетел из особняка, ибо ловля косолапого хулигана благополучно закончилась, и безумная дочь брамина вот-вот могла вспомнить о новом предмете своего обожания.

Напротив особняка стоял ярко-красный железный саркофаг на колесах – неимоверной длины «кадиллак». Опершись о его крышу, смотрел вверх, безошибочно определив окна маленькой столовой, великан – ростом более сажени и косая сажень в плечах. На голове его был сверкающий цилиндр, лихо, по-купчески, сдвинутый на затылок. Давыдов сразу опознал в златокудром детинушке настоящего русского купчину, способного душу вытрясти из собрата за медный грош и швырнуть миллион к ногам даже не балерины из «Мариинки», а провинциальной певички, сумевшей проникновенным романсом вышибить из него, пьяного, слезу. Да, именно такой орел и мог подарить танцовщице живого медведя.

Купчина с подозрением взглянул на Давыдова. Денис приосанился и задрал подбородок. «Рост – еще далеко не все», – безмолвно сказал он купчине этим решительным движением. Хвастаться же своей нечаянной победой над Матой Хари не рискнул – экие вон кулачищи, как два чайника.

Оглянувшись на всякий случай, Давыдов кинулся наперерез извозчичьей пролетке.

– Стой, братец! В «Метрополь», без ряды, только скорее!

– Не извольте беспокоиться, ваше благородие, садитесь!..

Следовало немедленно снять там номер, пусть даже дорогой. Деньги Голицын на эту авантюру выделил, и нужно их потратить не только с пользой для дела, но и себе в удовольствие.

Глава 2

Июль 1912 года. Санкт-Петербург

В этот день Голицыну не везло с самого утра. Сначала, как только пришел на службу, дежурный поручик Фефилов с плохо скрываемым злорадством сообщил, что группа капитана в полном составе слегла.

– Инфлюэнца! – притворно округлил глаза Фефилов. – Натуральная эпидемия...

«Скверно, – подумал Андрей, – совершенно некстати. Как раз когда нужны все, когда наконец появилась реальная зацепка по мистеру Рейли, я должен работать один?..» Расписавшись в журнале регистрации, он поднялся на второй этаж неприметного особняка на Шестой линии Васильевского острова, значившегося в городской управе как дом купца Бастрыгина. На самом же деле Бастрыгин не имел к строению никакого отношения, будучи коренным сибиряком и никогда не выезжавшим на запад далее Екатеринбурга. Но именно в этом здании с февраля 1912 года и расположилась штаб-квартира новой секретной службы Канцелярии Его Императорского Величества. Особняк выбирал из десятка предложенных сам глава новой организации, генерал-майор Александр Васильевич Соболев.

Голицын прошел мимо его кабинета в самый конец коридора и толкнул тяжелую резную дверь с медной табличкой «Б.Л. Вяземский». В крохотной приемной перед кабинетом начальника пятого управления (внутренней безопасности) умещался лишь стол адъютанта, сейф с рабочими документами и пара стульев для возможных посетителей. Хотя, сколько помнил Андрей, шеф никогда никого не мариновал в приемной, а сразу приглашал в кабинет.

Князь Борис Леонидович Вяземский был старшим сыном знаменитого генерала Леонида Дмитриевича Вяземского, героя обороны Шипки во время последней Русско-турецкой войны, и однокашником Голицына по Академии Генштаба. Правда, учились они в разных группах – Андрей по военной контрразведке, а Борис стажировался на авиационном курсе. Потом их пути разошлись, и когда год назад Голицына вызвали в кадровое управление Генерального штаба и предложили перейти на работу в СОВА, капитан, узнав, что его новым начальником станет товарищ по учебе и молодецким кутежам, не колеблясь, согласился.

– Господин подполковник у себя? – спросил, поздоровавшись, Андрей у адъютанта, совсем еще юного поручика.

– Так точно, господин капитан! Вас ожидает. Дважды уже интересовались...

– Ну, так доложите, что капитан Голицын прибыл.

Поручик исчез за обитой коричневой кожей дверью. Андрей встал к ней вполоборота и кинул придирчивый взгляд на себя в зеркале, висевшем напротив входной двери. Оттуда на него глянул крепкий молодой человек с немного усталым лицом и пронзительными глазами цвета закаленной стали. «Хорош, черт! Жаль только, оценить некому...»

Самоиронии в Академии Генштаба не обучали – она как-то незаметно зарождалась у тех, кто планировал настоящее будущее, без блеска галунов и белого коня под седлом на смотрах и парадах. Если человек, занятый настоящим делом, не приучится смотреть иногда на себя со стороны, ехидно подмечая мелочи, то серьезность может и до сознания собственной непогрешимости довести. А в такой службе, как СОВА, это опасно.

– Проходите, господин капитан! – Адъютант аккуратно придержал перед ним створку двери.

Голицын четко и бодро вошел в просторный и светлый кабинет и сделал три уставных шага по направлению к столу справа от входа.

– Здравствуй, Андрей, – улыбнулся Вяземский в усы и кивнул на ряд стульев вдоль стола для заседаний, примыкавшего к его собственному. – Присаживайся. Надеюсь, ты в курсе последних событий?

– Естественно, господин подполковник...

– Давай без официоза, – чуть поморщился князь, – не на докладе, чай! Вот, ознакомься с новой вводной, – протянул Голицыну тонкую картонную папку.

Андрей быстро просмотрел ее содержимое – всего несколько листов, отпечатанных на пишущей машинке – и невольно присвистнул. Тут же спохватился:

– Извините, господин подполковник, само вырвалось.

– У меня такая же реакция была, – хмыкнул Вяземский. – Твое мнение?

– Этот мистер Рейли, кажется, совсем голову потерял. Ведь знает, что мы его пасем...

– ...и тем не менее шлет вот такое!

– Но этой депешей он в первую очередь подставляет своего главного начальника, господина Бьюкенена!..

Сэр Джордж Уильям Бьюкенен был старым хитрым лисом в должности чрезвычайного и полномочного посла Соединенного Королевства в Санкт-Петербурге. Дипломат с огромным опытом – служил в Италии, Японии, Австро-Венгрии, Германской империи, был посланником в Болгарии и Нидерландах. Уже более двух лет он обретался в Санкт-Петербурге и успел натворить немало дел, не очень соответствующих статусу полномочного посла: завел дружбу с кадетами, с господами из Государственной думы, с министром иностранных дел господином Сазоновым и даже сумел понравиться его величеству императору Николаю Александровичу. А если принять во внимание взгляды посла на российскую государственность, то выглядело это, по меньшей мере, странно – Бьюкенен был за конституционную монархию.

Естественно, что у такого человека работали на посылках ловкие и не обремененные моралью господа. И одним из них стал мистер Рейли...

– Ты в этом уверен? – Вяземский с иронией посмотрел на старого друга. – А может, они именно так все и задумали?.. Только представь: мы перехватываем секретную депешу помощника генерального консула Британии о сентябрьской встрече российского и германского императоров в Риге, которую тот, якобы в нарушение субординации, отправляет прямо в штаб-квартиру МИ-6 в Лондоне, и делаем очевидный вывод, что мистер Рейли и есть резидент агентурной сети Петербурга или даже в целом по империи! Каковы должны быть наши дальнейшие действия в этом случае?

– Задержание Рейли, предъявление компромата, вынесение частного определения, объявление его персоной нон-грата и выдворение из страны...

– Правильно, а господин консул при этом остается совершенно ни при чем! И вся сеть мистера Рейли также остается нетронутой. А через пару месяцев этот лжеантиквар перейдет границу обратно где-нибудь в Курляндии и продолжит свою мерзкую деятельность на нелегальном положении под именем какого-нибудь мистера Смита, специалиста по разведению овец.

Андрей был прекрасно осведомлен, что Рейли способен на самую наглую и беспардонную мистификацию лишь бы добиться своего. Достаточно было вспомнить его авантюру с планами укреплений Люйшуня, которые этот пройдоха умудрился раздобыть в штабе адмирала Алексеева, главного начальника и командующего войсками Квантунской области и Даляньской оперативной группы Тихоокеанского военно-морского флота империи, разгромившей в феврале 1904 года японский флот. Рейли попытался продать планы японцам, однако едва не был пойман с поличным. Сбежал, чтобы через год появиться в Санкт-Петербурге уже в качестве помощника генерального консула Великобритании. За этим господином тянулся и уголовный хвост в связи с покушениями на некоторых высших сановников

Российской империи, правда, так и не доказанный. В общем, хлопот с мистером Рейли хватало у всех, начиная от Департамента жандармерии и заканчивая военной контрразведкой.

Сейчас этот феноменальный авантюрист жил в Санкт-Петербурге в полное свое удовольствие. Словно бы навеки позабыв о своей законной супруге, красавице-ирландке Маргарет (по сведениям, которые раздобыла СОВА, Рейли приложил-таки руку к смерти ее второго мужа, миллионера Хьюго Томаса), он сошелся с русской женщиной и представлял ее в обществе как свою жену. Где и когда состоялось венчание, никто не знал, да и могло ли состояться вообще? Женщина была не простая – то ли явная, то ли бывшая супруга одного из помощников морского министра Надежда Петровна Залесская.

Голицын встречался с этой дамой в свете, и большого впечатления на него она не произвела. Ему даже казались странными слухи, будто пронырливый мистер Рейли отбил ее у Распутина. Вокруг «старца» крутилось немало экзальтированных дам, которые разбаловали его окончательно, – они чуть не дрались за право попариться в бане вместе с Распутиным. Голицын подозревал, что счастливицы уносят с собой банные веники и хранят их, как величайшую драгоценность. Мог ли он относиться уважительно к таким особам?

В высший свет Рейли втерся, изобразив страстное увлечение искусством и стариной. Его уже считали бог весть каким опытным антикваром и коллекционером. Кроме того, он поддался модному увлечению – ездил на Комендантский аэродром, летал на бипланах. И, возможно, строил новые гнусные планы, на сей раз связанные с авиацией...

Некоторое время Голицын и его шеф Вяземский молчали, обдумывая ситуацию. Потом Андрей сказал:

– Моя группа, к сожалению, временно выбыла из строя, так что я сам прослежу за Рейли. Он просто обязан теперь выйти на связь со своим вероятным преемником. Только не мешало бы предупредить наших красавиц...

Он имел в виду телефонных барышень, которым СОВА приплачивала к жалованью за исполнение мелких поручений.

– Мы уверенно знаем только три номера: антикварного салона, квартиры Рейли и квартиры, которую он снял для Залесской. И я сомневаюсь, что у него хватит глупости пользоваться этими номерами... хотя насчет Залесской предупредим. Присмотреть за голубчиком надо, но одному без подстраховки опасно, – с сомнением покачал головой Вяземский. – Могу придать тебе группу Свиридова, они, как раз наоборот, остались без командира.

– Что с Георгием?

– Колено повредил на тренировке.

Когда полгода назад начальство решало, какими видами рукопашного боя должны владеть «совята», мнения разошлись. Начальник второго управления, подполковник Сабуров, решил почему-то, что сочетание меткой стрельбы с приемами греко-римской классической борьбы и ударами из английского бокса должно стать ведущим в подготовке офицеров и агентов. Более того, он обязал их посещать вошедшие в большую моду гимнастические залы, где атлеты возились с гирями, гантелями и штангами, отжимались от пола и подтягивались на «шведской стенке». Это, конечно, было полезно. Голицын сам, обнаружив, что может подтянуться всего три раза, довел количество до двадцати и на том успокоился. Но в уличной драке не станешь рассказывать противнику, что жмешь лежа десять пудов. Ситуацию спас начальник четвертого управления, полковник Татищев.

Один из его агентов обнаружил где-то в гавани старого моряка-француза с загадочным прошлым, в котором начальство решило не копаться: мало ли кого дедушка тридцать лет назад зарезал в своем родном Марселе. Этот француз показал агенту приемы матросской борьбы под названием «сават», которая была хороша уже тем, что удары ногами предполагали использование прочных ботинок с широким рантом, а немудреные правила не требовали раздеваться по пояс и раскланиваться с противником. Были вывезены из Парижа и

Дьеппа два мастера этого дела, тоже с очень сомнительным прошлым. Им положили неплохой оклад денежного содержания, а задачу сформулировали просто: нужен результат. Тренировки по савату начались три месяца назад, и молодежь уже делала успехи, а вот Свиридов в свои тридцать шесть утратил былую ловкость и пострадал. Голицын же, в юности увлекавшийся фехтованием, сохранил и растяжку, и скорость реакции, а пощечиной (сават обходился без туго сжатых кулаков) мог свалить с ног детину в полтора раза себя тяжелее.

– Н-нет, пожалуй, сам справлюсь. – Андрей поднялся. – Разрешите идти, господин подполковник?

– Иди уж, сорвиголова!..

Голицын удивился: он сам себе казался человеком серьезным, не склонным к проказам – именно таким, который спокойно и уверенно делает карьеру. Вот Давыдов – тот сорвиголова, в глазах у него – азарт и веселье, а он, Голицын, нарочно усвоил суровый и строгий взгляд, причем подсказала ему это некая дама. Обиженная холодностью кавалера, она заметила, что и голос у него дребезжит, как жестяное ведро, и глаза цвета закаленной стали. Сталь – этот металл Андрею нравился. Он желал быть похожим на отточенный клинок – легким, гибким, острым, неумолимым. Однако раз произвели в сорвиголовы, придется соответствовать...

* * *

Антикварный магазин господина Сигизмунда Лембовски, как называл себя Рейли в этом качестве, располагался на Петроградской стороне на Большой Посадской улице, поэтому Андрею пришлось брать извозчика, чтобы успеть до закрытия проверить, на месте ли Рейли. Обычно мистер антиквар имел привычку навещать свое детище и прикрытые чуть ли не ежедневно после обеда, проверяя, как идут дела. Управляющим у него подвизался некий расторопный, но жуликоватый малый по имени Феофан Булкин. Он обладал несомненным талантом по части кому-чего-продать. Однако при этом никогда не упускал случая подзаработать себе на карман за спиной хозяина. Голицын однажды попросту прихватил Булкина именно на воровстве, когда тот пытался перепродать с «черного хода» украденную за пару месяцев до того из одного из псковских приходов серебряную церковную утварь. Дело случилось тогда громкое, а злоумышленников по горячим следам задержать не удалось. Информацию из полиции на всякий случай передали по другим ведомствам, и Андрей взял историю на заметку просто из любопытства. И вот же – пригодилось!..

Дальнейшая вербовка Феофана как осведомителя заняла у Андрея не более десяти минут. Он умел нагнать холода на жертву, особенно если совесть у жертвы была крепко нечиста. И с той поры, вот уже полгода управляющий регулярно докладывал Голицыну обо всех встречах и переговорах хозяина, которые Рейли проводил в задних комнатах магазина. Правда, не всегда мог назвать имена, особенно если речь шла о дамах, которые поверх шляп обматывались длинными полупрозрачными шарфами, прикрывавшими личики чуть не полностью. Это считалось необходимым при езде в открытом автомобиле, чтобы не попортить цвет лица, потому что кружевной зонтик на скорости в тридцать верст страх как неудобен.

Нынче Андрей снова получил от осведомителя «писанку», что, мол, хозяин договаривался о некоем свидании с кем-то по телефону, сильно при этом ругался и грозился. Номера, который Рейли называл телефонной барышне, Булкин не расслышал.

Ровно без четверти пять пополудни Голицын отпустил извозчика за квартал от дома, где располагался антикварный магазин Лембовски, и направился вдоль улицы походкой праздно шатающегося человека. Он и одет был соответственно – в клетчатый костюм, коричневый с бежевым и в желтые ботинки, казавшиеся огромными из-за широких рантов. Так может выглядеть человек, у которого есть кое-какие необязательные дела, ставшие поводом для

приятной прогулки. Голицын и тросточкой помахивал, как опытный в своем ремесле столичный бездельник, и даже, войдя в роль, обгонял молодых дам и девиц, чтобы заглянуть им под шляпки.

Пройдя мимо магазина, Андрей присел на открытой веранде небольшой кофейни напротив, заказал себе слоеные пирожки с мясом и шампиньонами, чаю с чабрецом и стал ждать.

Ожидание не было бы таким мучительным, если бы не приходилось все время глядеть в одну точку. Была и другая беда – Андрей привык есть быстро, а тут следовало растянуть провиант хотя бы на полчаса, чтобы не выглядеть по-дурацки и не нарушить конспирации.

Бог весть из каких глубин памяти выкарабкался и запросился на волю куплет.

– «Пускай погибну безвозвратно, навек друзья, навек друзья. Но все ж покамест аккуратно пить буду я, пить буду я», – чуть слышно забормотал Андрей, сперва почти без мелодии, а потом с ужасом осознав, что готов запеть по-настоящему.

Эта александрийская песня была хуже всякой холеры и чумы! Она прилипала, как баный лист к голой заднице, и средства от нее избавиться никто не знал. Однако песня хоть не давала скучать.

Пирожки – еда несерьезная, так, перекусить. Но заказывать еще пару Андрей не стал – в половине шестого в дверях магазина появился сам мистер Рейли, одетый по последней моде – в элегантном темно-синем пиджачном костюме, из-под которого виднелся удачно подобранный по тону малиновый жилет, лакированных черных штиблетах и с котелком на голове. Дополняла образ типичного питерского буржуа трость черного дерева с костяным набалдашником. Британский шпион остановился на пороге своего заведения, огляделся вдоль улицы, щурясь от непривычно яркого солнца, и буквально уперся взглядом в Голицына.

Андрей едва не поперхнулся чаем – показалось, что Рейли улыбнулся ему и даже подмигнул, как старому знакомому. «Не может быть! – против воли мелькнула в голове капитана паническая мыслишка. – Он не может меня знать!.. Откуда бы?.. Тогда почему он так на меня посмотрел?.. Вычислил?! Тоже невероятно. Здесь кроме меня еще десять человек сидят, и все на улицу уставились...» Кое-как успокоив себя, Голицын едва не пропустил момент, когда Рейли довольно шустрой походочкой достиг угла дома и исчез. Тут уж капитану стало не до церемоний.

Опыта уличной слежки у Голицына было мало, на филеров он обычно смотрел свысока: работники низшего ранга, исполнители. И вот Бог наказал – самому пришлось спешно влезать в шкуру топтуна.

Торопливо кинув на стол ассигнацию, достоинством почти вдвое превысившую счет за заказ, Андрей, как мог, напустил на себя озабоченный вид и деловым шагом устремился вслед за британцем. За угол он заворачивал, будто в Неву решил прыгнуть, ожидая самой подлой пакости, вплоть до выстрела. Так и примерещилось за секунду: поворот, а из густой тени ближней подворотни навстречу – тусклая вспышка вместе со звуком рвущейся жести, тупой удар в грудь и...

Ничего подобного не случилось, зато Голицын успел заметить знакомую спину почти в конце проулка. «Грамотно уходит, гад! Подстраховывается. Сейчас выйдет на соседнюю улицу, вскочит в пролетку и...» Пришлось капитану перейти на бег, и то едва не опоздал. Увидел, как британец остановил извозчика и покатыл в сторону Каменноостровского проспекта.

Андрей метнулся туда-сюда – ни одной свободной пролетки. Неужели все сорвалось? Он так бездарно завалил дело?.. Причем простейшее! Любой полицейский филер бы справился... Осталось только воззвать к небесам: Господи, ну почему же ты помогаешь мерзавцам, а не честным людям?! Единственное, что успел запомнить невезучий сыщик, – сложен-

ный верх пролетки был непривычно зеленого цвета, в то время как обычно их красили в серо-коричневые тона.

И тут, похоже, Бог услышал вопль голицынской души. Со стороны Большой Невки показалась неспешно катившая пустая пролетка. Извозчик высматривал среди пешеходов седока. Андрей ринулся за ней, как за спасательным кругом.

– Гони, брат! Целковый дам, если вон за тем шустроилой поспеешь!..

– Что вы себе позволяете, молодой человек?! – Визгливый альт ударил Голицына точно в левое ухо. Андрей оглянулся. Перед ним, подбоченясь, стояла дородная дама в старомодном летнем пальто, сидевшем на ней, как седло на корове, к тому же обшитое какими-то шнурами и кошмарной бахромой, и огромной безвкусной шляпе – вылитая провинциальная барыня из-под Тамбова. Рядом топталась некая юная особа лет пятнадцати, тоже одетая как пугало, и бросала по сторонам пугливые взгляды. «Мамаша с дочкой в столицу вырвались из своей тмутаракани», – автоматически определил Голицын, все еще не понимая причины женского гнева.

– В чем дело, сударыня? – поморщившись, спросил он, краем глаза следя за удаляющейся пролеткой с британцем. – Я тороплюсь.

– Видали?! Торопится он!.. – Барыня, похоже, была не прочь поразвлечься после многомесячного квасного затворничества в мужнином имении. – Все вы тут такие, хлыщи столичные! Торопятся они... А приличных дам, значит, уже можно локтями толкать?!

Мамаша распалялась все больше, напротив на тротуаре остановились несколько зевак и заинтересованно уставились на сценку. Пролетка с Рейли маячила почти в самом конце квартала. Голицын понял, что еще немного, и окончательно провалит дело. И тут – о, подарок Фортуны! – среди зрителей разглядел знакомую усатую физиономию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.